

Джованьоли Р.

СПАРТАК

ТОМ 2

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Рафаэлло Джованьоли

Спартак. Том 2

Серия «История в романах»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32846920
Спартак. Т. 2: Роман (окончание): Мир книги; Москва; 2009
ISBN 978-5-486-03523-4, 978-5-486-03519-7

Аннотация

Рафаэлло Джованьоли (1838–1915) – филолог, историк и писатель; активный участник Рисорджименто – движения за воссоединение Италии. Ему принадлежит ряд исследовательских работ, освещающих историю этого движения. Среди художественных произведений Джованьоли выделяется серия исторических романов из жизни Древнего Рима, самым известным из которых является, несомненно, «Спартак», увидевший свет в 1874 г.

Во втором томе данного издания публикуется окончание романа «Спартак» (главы XIII–XXII), повествующего о самом крупном в истории восстании рабов; о его предводителе, человеке выдающемся и физическими силами, и духом; о прекрасной и драматической любви; о дружбе и предательстве; о радости борьбы и горечи поражения. Память о Спартаке помогает многим поколениям сохранять непоколебимую стойкость, когда речь идет о борьбе за великое дело свободы.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава XIII	5
Глава XIV	43
Глава XV	107
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Раффаэлло Джованьоли

Спартак

Том 2

Глава XIII

От Казилинского до

Аквинского сражения

Публию Варинию было сорок пять лет. Он происходил из плебеев, был крепкого телосложения, неукротимого, гордого нрава и обладал всеми лучшими качествами римского воина, представляя собой его ярко выраженный тип. Как в пище, так и в питье был воздержан и неприхотлив; привычен к холоду, жаре, большим переходам, бессонным ночам и иным военным тяготам; был угрюм, молчалив и храбр до дерзости. Если бы при этих ценнейших качествах Вариний еще отличался острым умом, если бы шире был его кругозор, а образование не столь поверхностным и односторонним, у него имелись бы все основания стать консулом, полководцем, триумфатором. Но, к несчастью для него, он не обладал высоким умом, равным благородству его души, и за двадцать восемь лет боевой службы добился всего лишь звания

претора, да и то присвоили ему это звание из уважения к его суровой беспристрастности, испытанной храбрости, превосходному знанию военного дела и соблюдению предписаний уставов. Римские воины, сражавшиеся с ним бок о бок, и полководцы, под началом которых он служил, восхищались его усердием, доблестью, духовной и физической силой.

Семнадцати лет от роду он под начальством Гая Мария впервые участвовал в войне с тевтонами и кимврами, отличился и был награжден гражданским венком и званием декана; затем он сражался под знаменами Помпея Страбона, отца Помпея Великого, в гражданской войне, несколько раз был ранен и награжден вторым гражданским венком. Под началом Суллы он участвовал в войне против Митридата, получил несколько ранений, а при осаде Афин был награжден крепостным венком¹ и удостоен звания младшего центуриона. Он сопровождал Суллу во всех перипетиях гражданской войны и за новые доблестные деяния получил звание сначала старшего центуриона, а потом трибуна. Затем он последовал за Помпеем Великим в Африку, где сражался в его армии против Домиция и Ярбы; в эту войну он получил звание квестора, в котором оставался и при Аппии Клавдии, воевал против восставших фракийцев и македонян. После смерти Клавдия, когда военные действия во Фракии были законче-

¹ *Крепостной венок* – венок с изображением стен и башен; давался в награду римскому воину, который первым во время штурма взбирался на стену осажденного города. (Примеч. авт.)

ны, Вариний вернулся в Рим, надеясь получить от консула Аврелия Котты, собиравшего легионы для борьбы с Митридатом, звание наместника или, по крайней мере, утверждение в звании квестора. Однако к тому времени, как Вариний прибыл в Рим, Котта уехал в Азию, а другой консул, Луций Лициний Лукулл, уже сформировал свое войско, но, желая воспользоваться опытом Вариния, которого он высоко ценил, добился избрания его претором Сицилии, поручив ему ликвидировать позорящую Рим войну с гладиаторами.

Вот что представлял собою человек, выступивший из Рима через Капенские ворота в восемнадцатый день до июльских календ (14 июня) 680 года от основания Рима и направившийся по Аппиевой дороге в поход против гладиаторов, возглавляемых Спартаксом. У Публия Вариния было шесть тысяч легионеров, триста всадников, тысяча велитов² и шестьсот пращников, приданных легиону по настоянию претора и Лукулла, ибо в такой войне необходимо было иметь в своем распоряжении легковооруженные части, – всего восемь тысяч молодых, сильных, отлично вооруженных воинов. Квестором у Публия Вариния состоял тридцатипятилетний Гней Фурий, человек мужественный, умный и отлично знающий военное дело, но кутила, буйан и скандалист. Среди шести трибунов, находившихся под началом Вариния, были и выходцы из знатных патрицианских семей:

² *Велит* – легковооруженный солдат. Его вооружение состояло из небольшого щита, меча и дротиков; голова была защищена кожаным шлемом.

Кальпурний Бибул, который в 695 году стал консулом совместно с Гаем Юлием Цезарем; совсем юный Квинт Фабий Максим, который во время диктатуры Цезаря был консулом в 709 году от основания Рима; самым старшим между трибунами был Лелий Коссиний, грубый и недалекий человек лет пятидесяти. Он участвовал в пятидесяти семи сражениях, одиннадцати осадах и ста двадцати схватках, получил двадцать две раны и заслужил два гражданских венка, но за тридцать два года военной службы из-за своего невежества и тупости дослужился только до звания трибуна, в котором и оставался в продолжение одиннадцати лет.

Быстрым маршем, в три дня, Публий Вариний дошел до Кайеты. Разбив здесь лагерь, он вызвал к себе Павла Гардения Тибуртина, префекта конницы, и приказал ему немедленно пробраться в Капую, собрать там точные и подробные сведения о месте расположения восставших, об их числе, вооружении и, по возможности, об их планах.

Молодой Тибуртин добросовестно и осмотрительно выполнил данное ему поручение и побывал не только в Капую, но и в Кумах, в Байях, в ПUTEОЛАХ, в Геркулануме и Неаполе, и даже в Помпее и Ателле; повсюду он собирал сведения о неприятеле у римских властей, а также у местных жителей и пастухов. Через четыре дня он вернулся в лагерь Вариния. Кони его были все в мыле, он почти загнал их, но привез весьма важные сведения о продвижении гладиаторов и общем их положении. Тибуртин доложил претору, что число

восставших доходит до десяти тысяч, что они хорошо вооружены и обучены римской тактике ведения боя, что их лагерь находится близ Нолы, откуда они делают вылазки по окрестностям и как будто не предполагают менять место своего лагеря; судя по основательным лагерьным укреплениям, они, очевидно, будут здесь ожидать наступления римлян.

Получив все эти сведения, Вариний, сидя в своей палатке, долго обдумывал план действий; наконец он решил разделить свои силы и наступать на лагерь гладиаторов по двум почти параллельным направлениям, с тем чтобы напасть на них одновременно с двух сторон. Таким тактическим маневром он надеялся добиться сразу решительной победы.

Вариний поручил квестору Гнею Фурию командование четырьмя когортами легионеров, тремястами велитов, двумястами пращников и сотней всадников и приказал ему идти по Аппиевой дороге до Суэссы, здесь ему надлежало свернуть с Аппиевой дороги на Домициеву, которая от этого города шла берегом моря через Литерн, Кумы, Байи и Неаполь к Сурренту. Дойдя до Байи, Фурий должен был тут на неделю остановиться, а затем двинуться в Ателлу и там ожидать дальнейших распоряжений Вариния. Сам же Вариний, в то время как Фурий будет в походе, поднимется по реке Лирис до Интерамны, там он перейдет на Латинскую дорогу – она вела от Рима через Тускул, Норбу, Интерамну, Теан и Аллифы до Беневента; у Аллиф он, перейдя с консульской Латинской дороги на преторскую, которая тянулась от Аллиф

вдоль Кандинского ущелья и вела в город Кавдий, зайдет таким образом в тыл гладиаторам. Здесь он задержится на один день, а затем отдаст приказ своему квестору Фурию двинуться из Ателлы и атаковать мятежников; последние, увидя, что они числом превосходят Фурия, бросят ему навстречу все свои силы; тут-то Вариний нападет на врага с тыла и уничтожит его.

Таков был план Публия Вариния, и, надо сказать, план сам по себе неплохой, но его успешное выполнение было бы возможно только в том случае, если бы гладиаторы оставались на месте, ожидая римлян у Нолы, а в этом Вариний, считавший Спартака чем-то вроде нечистого животного, но отнюдь не разумным человеком, нисколько не сомневался.

Тем временем фракиец, разведав, что претор выступил против него, и узнав, что тот уже в Кайете, тут же двинулся по Домициевой дороге в Литерн и прибыл туда, совершив два утомительных, но быстрых перехода.

Квестор Гней Фурий, продвигавшийся по той же Домициевой дороге, но с другой стороны, дошел до Тиферна. Здесь его разведчики доложили ему, что Спартак со всем своим войском неожиданно пришел в Литерн и теперь находится на расстоянии не более одного дня пути от римского войска.

Гней Фурий как солдат не прочь был бы помериться силами с каждым гладиатором в отдельности, в том числе и со Спартаком, но как предводитель войска, имеющий определенное задание, он не счел возможным вступать в бой с

неприятелем, численностью превосходящим его, ибо не надеялся на победу. Бегство же он считал низостью и малодушием, которого не могут оправдать даже соображения благоразумия, так как отступление римлян к Латию дало бы возможность Спартаку легко настигнуть их и уничтожить. Поэтому Гней Фурий решил оставить консульскую дорогу, свернуть налево и подняться до Кал, откуда он мог в несколько часов дойти до Капуи; две тысячи восьмьсот его солдат, быстро соединившись с капуанским гарнизоном, получившим за это время подкрепление, могли бы отразить нападение гладиаторов. Если бы Спартак вздумал продвигаться в сторону Латия, у Гнея Фурия хватило бы времени призвать на помощь Вариния, соединиться с ним и, обрушившись на дерзкого мятежника с тыла, разгромить его. Если бы Спартак отступил, Фурий надеялся выполнить данный ему приказ: либо опять вернуться на Домициеву дорогу, либо из Капуи по преторской дороге прийти в назначенный день в Ателлу.

Все эти мудрые рассуждения и принятое в результате их не менее мудрое решение свидетельствовали об уме и способностях Фурия; будь на его месте сам Помпей Великий, и тот не мог бы поступить иначе.

Фурий решил сняться с лагеря за два часа до рассвета и, соблюдая полную тишину, направиться в Калы, послав предварительно по консульской дороге трех разведчиков, переодетых в крестьянское платье. Они должны были, невзирая

на риск и опасности, сообщить врагу неправильные сведения о продвижении Гнея Фурия и попытаться уверить гладиаторов, что он отправился в Кайету, то есть повернул назад.

Но Спартак уже знал от своих разведчиков, что часть неприятельских сил расположилась лагерем в Тиферне; он сразу понял, какую ошибку совершил претор Вариний, разделив свои силы пополам с целью поймать Спартак в мешок; фракиец полностью разгадал планы квестора и с прозорливостью, свойственной только гениальным умам, тотчас же сообразил, как следует поступить: стремительным броском врезаться между вражескими войсками и разбить каждое из них в отдельности, обрушив все силы сначала на одну часть, а затем на другую.

Одним из наиболее выдающихся качеств Спартак как полководца, столь прославивших его во время этой войны, была быстрота, с которой он умел оценивать, анализировать обстановку, предвидеть, вырабатывать план действия и тут же приводить его в исполнение. Военный талант Наполеона во многом был схож с талантом Спартак. Фракиец восхищался тактикой и обученностью римского войска, тщательно изучал их сам и обучал свои легионы, отвергая, однако, педантизм римских полководцев, запрещающий отходить от некоторых установленных правил, норм, навыков. Спартак сообразовывал свои действия – передвижение войска, маневры, переходы – с местностью, с обстоятельствами, с позицией неприятеля; он усовершенствовал и применял на прак-

тике самую простую, но вместе с тем самую логичную и выгодную тактику – тактику стремительных действий, введенную Гаем Марием; впоследствии она помогла Юлию Цезарю покорить мир. Все большие сражения, выигранные Спартак и справедливо поставившие его в ряды самых блестящих полководцев того времени³, были выиграны не только благодаря мужеству и отваге его солдат, грудью защищавших свободу, но и благодаря стремительности передвижения его войска.

Возвратимся к нашему повествованию. Приняв решение, Спартак обратился с краткой речью к своему войску, чтобы ободрить и воодушевить уставших солдат, которым для блага их общего дела предстояло проделать новый утомительный переход. Отдав приказ сняться с лагеря, Спартак оставил Домициеву дорогу и по трудному пути, пролежавшему меж холмов, которые тянутся от Капуи через Казилин, а за-

³ Следует заметить раз и навсегда: восстание или война гладиаторов, являющаяся сюжетом нашего повествования, римлянами и их историками расценивалась как война, позорящая, бесчестящая Рим. Поэтому историки, щадя римскую гордость, очень скупо сообщают о ней и упоминают вскользь как о печальном факте, о котором горько вспоминать, стараются снизить ее значение и величие. Но все же им пришлось рассказать об этом событии достаточно, чтобы прославить обездоленных гладиаторов, а в особенности Спартака, которого как полководца мы, не колеблясь, ставим рядом с Марием и Цезарем. Сам Луций Флор, который нетерпимее всех историков относился к этой войне и, повествуя обо всем этом историческом периоде, не жалел презрительных эпитетов как в отношении гладиаторов, так и их вождя, все же принужден был признать: «*Спартак, храбро сражаясь в первых рядах, пал в венце славы почти что достойнейшего полководца*». (Примеч. авт.)

тем спускаются к самому морю, пробрался до Вултурна, с шумом несущего меж крутых берегов свои бурные воды.

Этот переход дал возможность Спартаку быстро, до наступления зари, перебросить свои войска к Капуе; в трех милях от города он приказал раскинуть палатки и разрешил своему войску отдохнуть в течение нескольких часов, а в это время квестор Фурий тронулся в путь по направлению к Калам. В полдень Спартак снова велел трубить поход; посмеиваясь над страхом, объявшим защитников Капуи, которые заперли все ворота, спустили решетки и взобрались на вал, с трепетом ожидая неминуемого штурма, он прошел мимо города парфюмеров⁴, оставшегося по правую руку, и направился в сторону Казилина, куда пришел к вечеру, в тот самый час, когда квестор Фурий явился в Калы.

Казилин, небольшой, оживленный и густо населенный город, был расположен на правом берегу Вултурна, омывавшего его стены; он находился на расстоянии семи миль от Капуи, одиннадцати – от Кал и почти в двадцати двух милях от устья Вултурна. При таком расположении сил сражающихся Казилин становился самым важным стратегическим пунктом предстоящих военных операций. Овладев этим пунктом, Спартак получал возможность господствовать над обоими берегами и долиной Вултурна. Расположившись здесь лагерь со своими легионами, он не только окончательно разь-

⁴ *Город парфюмеров* – то есть Капуя, центр производства и сбыта парфюмерных изделий.

единил бы оба вражеских войска, но и не дал бы им возможности получить подкрепление из Капуи или укрыться в ее стенах и мог бы разбить эти войска одно за другим. Так как жители Казилина, испуганные неожиданным появлением гладиаторов, послали навстречу Спартаку представителей власти, почтительно просивших его смириться над жителями, то ему незачем было применять силу, чтобы войти в город. Приказав расставить стражу у ворот и оставив в городе одну когорту, фракиец ушел оттуда со своими легионами и расположился лагерем в удобной возвышенной местности, за Римскими воротами, откуда дорога шла прямо к Калам.

За время, истекшее с момента поражения Клодия Глабра до того, как Публий Вариний был послан против гладиаторов, Спартак мог свободно передвигаться почти по всей Кампанье; он велел наиболее ловким и искусным конникам объездить большое число молодых лошадей, которых гладиаторы изловили на плодородных пастбищах этой провинции. Таким образом, он составил отряд в шестьсот конников, префектом которого Спартак предложил поставить храброго и достойного Борторикса, передавшего Криксу командование вторым легионом.

Как только лагерь был разбит, Спартак разрешил своим уставшим солдатам отдых на несколько дней, чтобы они могли восстановить силы, пока квестор Фурий – Спартак предполагал, что тот продолжает двигаться по Домициевой дороге, – дойдет до Литерна; тогда фракиец рассчитывал ударить

ему в тыл и уничтожить его когорты.

Все же Спартак, будучи чрезвычайно предусмотрительным, призвал к себе Бортोरикса и приказал ему после шестичасового отдыха, около полуночи, разделить своих конников на два отряда – один отправить по Домициевой дороге почти до Тиферна, чтобы получить сведения о вражеском войске, другой же отряд ради осторожности повести по Аппиевой дороге до Кал и обследовать местность. На заре оба отряда должны были возвратиться в лагерь и сообщить о результатах разведки.

За час до восхода солнца первыми, к немалому удивлению Спартакa, вернулись конники, отправленные к Калам; они сообщили, что враг продвигается со стороны Казилина. Сначала Спартак не поверил этим сведениям, но, расспросив подробно начальника разведчиков и поразмыслив, он понял, что произошло: гладиаторы отошли с Домициевой дороги вправо, чтобы дать проход Фурию, а потом зайти ему в тыл, но в этот же момент и римлянин свернул влево, чтобы избежать встречи с гладиаторами и укрыться в Капуе; таким образом, оба войска, желая избежать столкновения, ушли с консульской дороги и теперь должны были встретиться на преторской дороге.

Спартак тотчас велел трубить подъем; не снимая с лагеря всего войска, он приказал выступить первому легиону и построил его в боевой порядок. По фронту он поставил две тысячи велитов и пращников, предназначенных для атаки вра-

га в расчлененном строю, как только он покажется; позади этой первой линии он расположил весь остальной состав легиона, вооруженный пиками и дротиками.

Второй легион он разделил на две части и направил через поля и виноградники – одних в левую сторону, других в правую, приказав им отойти подальше и укрыться, а как только завяжется бой, не давая римлянам опомниться, окружить их и атаковать с флангов и тыла.

Солнце уже взошло, и лучи его золотили окрестные долины, ярко-зеленые виноградники, нивы с налитыми колосьями, цветущие луга. В этот момент показался авангард римлян. Навстречу ему двинулась цепь легковооруженных гладиаторов, осыпая врагов градом камней и свинцовых шариков. Римляне тотчас же повернули обратно с целью предупредить квестора Фурия о приближении неприятеля. Тогда Спартак, который во время переходов всегда шел в пешем строю вместе со своими товарищами, вскочил на могучего вороного коня, которого постоянно держали наготове на случай боя. Мужественная фигура Спартака красиво выделялась на статной лошади; он велел протрубить сигнал к атаке ускоренным маршем, чтобы напасть на врага, пока тот не успел построиться в боевой порядок.

Получив известие о неожиданном для него появлении гладиаторов, Гней Фурий тотчас же дал приказ своей колонне легионеров остановиться и с самообладанием, никогда не покидающим людей действительно храбрых, велел прашникам

и велитам рассыпаться цепью. Удлиняя свой фронт, он хотел избежать, насколько это зависело от него, окружения своего войска превосходящими силами противника. Легионерам он приказал занять позиции на близлежащем холме, рассчитывая, что, в то время как велиты и пращники примут на себя первый удар гладиаторов, когорты построятся в боевую линию.

Несмотря на сумятицу и беспорядок, всегда сопровождающие внезапное нападение, все приказания Гнея Фурия были выполнены быстро и точно.

Едва римляне выполнили распоряжения квестора, как гладиаторы атаковали фронт пращников; те мужественно приняли удар, но под натиском превосходящих сил принуждены были отступить до подножия холма, где Гней Фурий успел уже расположить в боевом порядке свои четыре когорты. Римляне протрубили атаку, и легионеры под началом Фурия так стремительно обрушились на вражеских велитов, что тем, в свою очередь, пришлось остановиться. Спартак приказал подать сигнал к отступлению, и две тысячи легковооруженных гладиаторов, бросив последние дротики в неприятеля, скрылись в промежутках между колоннами надвигавшихся гладиаторов, которые с громовым криком «барра», гулко разнесшимся по окрестным холмам и долинам, бросились на римлян. Вскоре слышен был только страшный гул от ударов по щитам, лязг мечей и дикие вопли сражающихся.

Сражение длилось около получаса с равным ожесточением и равным мужеством, но римлян было значительно меньше, чем гладиаторов, и они не в силах были долго противостоять страшному натиску восставших. Вскоре легионеры Фурия, теснимые со всех сторон, стали отступать. В этот момент из засады появился Крикс со своим вторым легионом. В одно мгновение римляне были окружены, атакованы с тыла и флангов, ряды их смешались, они дрогнули и в беспорядке бросились бежать. Не многим удалось спастись, большая часть римлян оказалась замкнутой в кольцо и погибла смертью храбрых; одним из первых среди них пал Фурий. Так менее чем за два часа закончилась эта битва, которую с большим основанием можно было бы назвать резней под Казилином.

На следующий день после этой новой победы, которую гладиаторы одержали, понеся незначительные потери по сравнению с римлянами, ибо те почти все погибли, Спартак, не теряя времени, свернул свой лагерь у Казилина и труднейшими переходами, преодолев отроги Апеннин, пройдя через Калы, направился к Теану Сидицинскому и под вечер прибыл туда. Его легионы были утомлены долгим переходом. Расположившись лагерем немного выше Теана, в нескольких милях от него, он отправил туда кавалерию с целью получить сведения о преторе Публии Варинии, который, по расчетам Спартака, должен был пройти здесь дня два-три назад, направляясь в Аллифы.

Из сообщений возвратившихся разведчиков Спартак заключил, что он не ошибся в своих расчетах: Публий Вариний вышел из Теана в Аллифы только накануне.

После длительного размышления, взвесив все преимущества, которые давала ему одержанная накануне победа, а также учитывая выгоды своих позиций в районе Теана Сидицинского, Спартак предпочел пойти наперерез претору Варинию и вступить с ним в бой до того, как к римлянам подойдут подкрепления от городов и союзников, потому что тогда победа над когортами претора далась бы труднее. Итак, на следующий день фракиец оставил Теан Сидицинский и двинулся по правому берегу Вултурна к Кавдинскому ущелью; он прибыл туда через восемь часов и расположился лагерем на берегу реки. На следующее утро он приказал срубить множество толстых деревьев и перебросить бревна через речку, которая в это время года всегда мелела; по этому мосту он переправил своих воинов на левый берег, занял неподалеку от Кавдинских гор ключевую позицию, господствовавшую над Латинской дорогой, и стал поджидать врага.

Римляне не замедлили явиться; в полдень следующего дня со стороны Аллиф, на возвышенностях, обрамлявших долину Вултурна, напротив Кавдинских гор, показались когорты Публия Вариния. Спартак уже успел расположить свои войска для атаки, и вскоре началось сражение. Жестокый и кровопролитный бой длился до самого вечера. Римляне сражались храбро и делали все, что могли, но на закате

солнца они потерпели полное поражение и отступили в беспорядке. Первой бросилась их преследовать пехота гладиаторов, которая, врубаясь в ряды бегущих римлян, уничтожала их; пехота гналась за отступающими, пока римляне, у которых от страха как будто выросли крылья, не оставили своих преследователей далеко позади. Тогда Спартак приказал трубить отбой, и едва только пехота покинула поле битвы, как кавалерия гладиаторов кинулась во весь опор за толпами беглецов и принялась уничтожать их.

Свыше двух тысяч легионеров погибло в этой роковой для римлян битве при Кавдинском ущелье. Более тысячи пяти-сот было ранено, в том числе сам Вариний и его трибуны: Коссиний, Фабий Максим и Бибул. Большая часть раненых попала в руки победителей, но Спартак, разоружив их, отпустил на свободу; он решил, пока на его стороне не окажется большого количества городов, не брать пленных, ибо присутствие их в лагере при известных обстоятельствах могло оказаться опасным. Гладиаторы в этом сражении тоже понесли немалые потери: погибло свыше двухсот пятидесяти человек; ранено было чуть ли не вдвое больше.

В великом унынии и отчаянии явился Публий Вариний в Аллифы и за ночь собрал там, сколько мог, бежавших; здесь же он услышал роковую весть о гибели своего квестора. Опасаясь нового нападения победителя, которому он не мог бы противостоять, проклиная всех богов неба и ада, свою несчастную судьбу и ненавистного гладиатора, Вариний быст-

рым маршем двинулся по труднопроходимым дорогам среди ущелий Апеннин, ушел из Кампании и, вступив в Самний, поспешил укрыться в Бовиане.

Две блестящие победы, одержанные Спартаком за три дня, прославили его войско. Имя его сделалось еще более грозным и прогремело по всей Южной Италии.

Не теряя напрасно времени, фракиец спустился из Кавдинского ущелья до Кавдия и встретился там с Брезовиром – гладиатором-галлом, с которым читатели уже познакомились в связи с событиями, происшедшими в таверне Венеры Либитины в Риме в тот самый день, когда Союз угнетенных присудил к смерти отпущенника Гая Верреса, шпионившего за гладиаторами. Брезовир с пятьюдесятью товарищами бежал из Капуи в лагерь Спартака.

По совету Брезовира фракиец решил осуществить смелый маневр, рассчитывая таким способом беспрепятственно вывести из Капуи пять тысяч гладиаторов, еще остававшихся в школе Лентула Батиата.

Через три дня после сражения у Кавдинского ущелья Спартак во главе своих десяти тысяч воинов появился у стен Капуи; он отправил в город глашатая, требуя, чтобы префект и сенат беспрепятственно выпустили из города пять тысяч гладиаторов, находящихся в школе Лентула; в случае же, если власти откажутся выполнить это требование, Спартак угрожал, что начнет штурм города, завладеет им силой, предаст его огню и мечу и уничтожит всех жителей города,

невзирая на возраст и пол.

Весть о победах Спартака, приукрашенная молвой, уже дошла до Капуи и повергла ее жителей в страх. Появление грозного врага у ворот города вселило ужас в души капуанцев; требования и угрозы Спартака довершили дело – всех охватила паника.

Сенат совещался в храме Дианы, а около храма, на Форуме, собралась огромная толпа народа. Все лавки в течение какого-нибудь получаса были заперты, женщины, распустив волосы, бросились в храмы молить богов о помощи, на улицах раздавались возгласы плебеев, которые настаивали, чтобы требования гладиаторов выполнили и тем самым избавили город от угрозы ужасной резни.

Меттий Либеон, бледный, с искаженным от страха лицом, заикаясь от волнения, изложил сенату требования Спартака. Сенаторы, бледные, как и префект, в ужасе смотрели друг на друга; никто не решался высказаться и посоветовать что-либо в такую опасную минуту.

Воспользовавшись молчанием и замешательством сенаторов, военный трибун, храбрый солдат, весьма опытный в военных делах, командовавший четыремя когортами, присланными несколько месяцев назад римским сенатом для защиты Капуи, попросил разрешения высказать свое мнение.

Нисколько не поддавшись панике, он грубо, но красноречиво и весьма убедительно доказывал, что все требования Спартака не что иное, как дерзкие угрозы, имеющие целью

запугать жителей города, а затем воспользоваться их страхом; что гладиатор не может и не станет штурмовать Капую и осаждать ее, так как город хорошо защищен прочными укреплениями, а войско, у которого нет ни скорпионов, ни таранов, ни катапульт, ни баллист, ни пробоев с серповидным концом, ни других осадных машин, не отважится на штурм города.

Страх, обуявший трусливых, расслабленных капуанских сенаторов, тот страх, который за минуту до этого лишил их дара речи, заставил их прийти в себя; они вскочили со своих скамей, точно укушенные тарантулом, и все хором завопили, что трибун сошел с ума; ведь гладиаторы овладели Нолой за каких-нибудь два часа, а тогда их было куда меньше, чем сейчас, и вооружены они были гораздо хуже. В Ноле победители разрушили все дома, убили всех жителей: они, сенаторы, не желают жертвовать собой в угоду честолюбию трибуна: выслать из Капуи пять тысяч гладиаторов было бы мерой весьма благоразумной и осторожной. Это избавит город от опасности мятежа и резни. Приводились и другие подобного рода соображения. К этому присоединились и настояния собравшегося на площади народа, шумно требовавшего, чтобы предложение Спартака было принято и таким образом город был бы спасен. Меттию Либеону, не помнившему себя от радости, пришлось поставить на голосование поддержанное многими сенаторами предложение – согласиться на требования Спартака; это предложение было принято почти

единогласно.

Таким образом, пять тысяч гладиаторов, запертых в школе Лентула, были выпущены из города и направились к Спартаку, который расположился лагерем у подножия близлежащей горы Тифаты.

Они были встречены радостными криками товарищей, сейчас же получили оружие и составили третий легион, командование которым было поручено Борториксу, а Брезовира назначили префектом конницы.

Вскоре Спартак возвратился в Нолу, расположился лагерем и пробыл там около тридцати дней, ежедневно с увлечением обучая новый легион. В это время фракиец получил сведения, что претор Вариний пополняет солдатами свои легионы, намереваясь напасть на гладиаторов.

Спартак решил опередить Вариния. Он оставил Крикса с двумя легионами в Ноле, взял с собой первый легион, которым командовал Эномай, перешел Апеннины и, выступив в Самний, появился под Бовианом.

Вариний сообщил римскому сенату о злоключениях и неудачах, постигших его на этой войне, внушавшей отныне серьезные опасения. Чтобы положить ей конец, требовалось подкрепление численностью не менее двух легионов. Напоминая о своих прежних заслугах перед отечеством, честный солдат просил сенат оказать ему, ветерану многих сражений, милость — дать возможность смыть со своей совести позор понесенного поражения и довести войну до конца.

Сенат внял справедливым просьбам храброго Вариния и прислал ему восемь когорт, в составе которых было свыше четырех тысяч ветеранов, а также разрешил ему набрать среди марсов, самнитов и пицентов еще шестнадцать когорт, с тем чтобы он имел возможность сформировать два легиона, необходимые ему для подавления мятежа гладиаторов.

Претор, который считал, что старшинство чина и продолжительность службы в армии дают человеку неоспоримые преимущества, назначил на место, оставшееся свободным после смерти Фурия, Лелия Коссиния, хотя среди бывших у него в подчинении трибунов многие были и умнее и дальновиднее этого человека. Вариний доверил ему командование восемью когортами, только что присланными из Рима, приказав Коссинию остаться в Бовиане, чтобы помешать Спартаку продвинуться в глубь Самнии, сам же с двумя тысячами легионеров, уцелевших после поражения у Кавдинского ущелья, отправился в страну марсов и пицентов набирать там солдат.

Когда Спартак подошел к Бовиану, намереваясь навязать Коссинию бой, тот, действуя согласно полученным им распоряжениям, заперся в городе; негодуя на то, что ему запрещено выступить, он, однако, терпеливо переносил все оскорбления и вызовы гладиаторов.

Но Спартак разгадал план Вариния и решил не дать ему времени набрать солдат в Самнии и Пиценуме. Оставив под Бовианом Эномая с одним легионом, который расположился

лагерем близ города, сам он с отрядом конников возвратился в Нолу.

Здесь его ожидали хорошие вести. Первой и самой приятной был приход гладиатора Граника, который привел с собою свыше пяти тысяч человек: галлов, германцев и фракийцев из нескольких школ Равенны. С таким подкреплением войско гладиаторов, разделенное на четыре легиона, доходило до двадцати тысяч человек, и Спартак почувствовал себя непобедимым. Второй неожиданной и не менее приятной новостью был приезд Мирцы. Спартак обнял сестру, покрывая лицо ее горячими поцелуями. А девушка целовала то лицо, то руки брата, то его одежду и прерывающимся от рыданий голосом говорила:

– Спартак!.. Ах, Спартак!.. Любимый брат мой! Как я боялась, как трепетала за тебя... Я думала обо всех опасностях, которым ты подвергаешься в этой кровопролитной войне!.. Я не знала ни минуты покоя... просто жить не могла... все думала: «Может быть, он ранен и ему нужна моя помощь!» Ведь никто, дорогой Спартак, никто не мог бы так ухаживать за тобой, как я... если бы... когда... да спасут тебя великие боги! И я плакала по целым дням и все просила Валерию, милую мою госпожу... чтобы она разрешила мне поехать к тебе... и она, бедняжка, исполнила мою просьбу. Да окажет ей покровительство Юнона за ее доброту... Она отпустила меня к тебе... И, знаешь, она даровала мне свободу!.. Я теперь свободная... я тоже свободная... И я теперь навсегда

останусь с тобой.

Она щебетала и ласкалась к брату, как ребенок, а из глаз ее лились слезы, но бедная девушка улыбалась брату, и во всех ее движениях сквозила радость, переполнявшая ее сердце.

Недалеко от них молча стоял, наблюдая эту сцену, белокурый красавец Арторикс. Лицо его то озарялось радостью, то затуманивалось печалью. Он тоже всего несколько дней назад прибыл с Граником из Равенны. Приблизившись к Спартаку, он застенчиво сказал:

– А меня, дорогой Спартак, непобедимый наш вождь, меня ты разве не обнимешь и не поцелуешь?

Говоря это, Арторикс окинул беглым взглядом девушку, как бы прося у нее прощения за то, что похищает у нее поцелуй брата.

– Арторикс! – воскликнул Спартак и, крепко обняв его, прижал к своей груди. – Любимый мой друг!.. Дай я тебя поцелую, благородный юноша!

Так в дополнение ко всем радостям, которые изведal Спартак за последние месяцы, к счастью блестящих побед и замечательных успехов, которых он добился с первых дней ужасной войны, судьбе угодно было послать ему еще одну радость: он мог обнять сестру и Арторикса, самых дорогих его сердцу людей.

Но вскоре лицо Спартака, сиявшее счастьем, затуманилось. Склонив голову на грудь, он глубоко вздохнул и погру-

зился в скорбные мысли.

Простившись с друзьями, он вместе с сестрой ушел в свою палатку. Спартаку очень хотелось расспросить Мирцу о Валерии, но какое-то чувство стыдливости мешало ему заговорить об этом с сестрой. К счастью для Спартака, девушка щебетала о том о сем, и фракийцу не пришлось расспрашивать ее, так как Мирца сама завела разговор о Валерии: ей никогда и в голову не приходило, что между ее бывшей госпожой и горячо любимым братом существовали иные отношения, кроме дружеских.

– О, поверь, поверь мне, Спартак, – повторяла девушка, готовя для брата скромный ужин на пне, который в палатке фракийца служил столом, – если бы все римские матроны были похожи на Валерию... Верь мне, я на себе испытала всю ее доброту, благородство ее чувств... рабство давно было бы отменено законом... потому что дети, родившиеся от подобных женщин, не могли бы, не пожелали бы терпеть существование тюрем, наказаний розгами, распятий на крестах, не допустили бы, чтобы с гладиаторами обращались как с убойной скотиной...

– О, я это знаю! – взволнованно воскликнул Спартак. И тут же, спохватившись, добавил: – Да, да, я верю тебе.

– И ты должен этому верить... потому что, видишь ли, она уважает тебя... гораздо больше, чем любая другая матрона на ее месте уважала бы ланисту своих гладиаторов. Она часто разговаривала со мной о тебе... восхищалась тобой, в

особенности с тех пор, как ты расположился лагерем на Везувии, при каждом известии о тебе... Когда мы услышали, что ты победил и разбил трибуна Сервилиана... когда узнали о твоей победе над Клодием Глабром, она часто говорила: «Да, природа щедро наградила его всеми достоинствами великого полководца!»

– Она так говорила? – нетерпеливо переспросил Спартак, на лице которого отражались воскресшие в душе чувства и воспоминания.

– Да, да, она так говорила!... – ответила Мирца, продолжая готовить ужин. – Мы долго здесь останемся? Я хочу позаботиться о твоей палатке... Эта совсем не подходит для доблестного вождя гладиаторов... В ней такой беспорядок... и нет самого необходимого... У любого солдата жилье лучше... Ну да, она так говорила... И как-то раз она спорила со своим братом, оратором Гортензием, ты ведь знаешь его? Так вот, она защищала тебя от его нападков, говорила, что война, которую ты начал, – справедливая война, и если боги пекутся о делах людских, то ты победишь.

– О божественная Валерия! – чуть слышно произнес Спартак, бледнея от волнения.

– И она, бедняжка, так несчастлива, – продолжала девушка, – так, знаешь ли, несчастлива!

– Несчастлива?... Несчастлива?... Почему?... – живо спросил фракиец.

– Она несчастлива, я это знаю... Я не раз заставляла ее в

слезах... часто глаза ее бывали красными от слез... часто я слышала, как она глубоко вздыхала, очень часто. Но почему она плачет и вздыхает, я не знаю, не могу догадаться. Может быть, из-за неприятностей с ее родственниками из рода Мессалы... А может быть, горюет о муже... Хотя едва ли... нет, не знаю... Единственное ее утешение – ее дочка, Постумия. Такая милочка, такая прелестная крошка!..

Спартак глубоко вздохнул, смахнул рукой несколько слезинок, скатившихся из глаз, резко повернулся и, обойдя кругом палатку, спросил у Мирцы, чтобы переменить тему разговора:

– Скажи, сестра... ты ничего не слышала о Марке Валерии Мессале Нигере... двоюродном брате Валерии?.. Я с ним встретился... мы с ним бились... я его ранил... и пощадил его... Не знаешь ли ты случайно... выздоровел ли он?

– Конечно, выздоровел!.. И об этом твоим великодушным поступке мы тоже слышали!.. Валерия со слезами благословляла тебя. Нам все рассказал Гортензий, когда приехал на тускуланскую виллу... После смерти Суллы Валерия почти круглый год живет там.

В эту минуту на пороге палатки появился один из деканов гладиаторов и доложил, что молодой солдат, только что прибывший из Рима, настойчиво просит разрешения поговорить со Спартаком.

Спартак вышел из палатки на преторскую площадку: лагерь гладиаторов был построен в точности по образцу рим-

ских лагерей. Палатка Спартака была разбита на самом возвышенном месте, и перед ней было отведено место для военного суда. Эта площадка у римлян называлась преторской. За палаткой Спартака находилась другая палатка, где хранились знамена; возле нее стоял караул из десяти солдат во главе с деканом. Выйдя из палатки, Спартак увидел идущего к нему навстречу юношу в богатом военном одеянии, о котором ему только что доложили; юноше этому на вид было не более четырнадцати лет.

На нем была кольчуга, облегавшая плечи и тонкий, гибкий стан; она была сделана из блестящих серебряных колец и треугольников, соединенных между собой в частую сеть, и доходила почти до колен. Панцирь был стянут в талии кожаным ремешком, отделанным серебряными насечками с золотыми гвоздиками. Ноги были защищены железными наколенниками, затянутыми позади икр кожаными ремнями; правую руку закрывал железный нарукавник, а в левой юноша держал небольшой бронзовый щит, украшенный чеканными фигурками тонкой работы. С правого плеча вместо перевязи спускалась к левому боку массивная золотая цепь, на которой висел изящный короткий меч. Голову юноши покрывал серебряный шлем, на котором вместо шишака была укреплена золотая змейка, а из-под шлема выбивались золотистые кудри, обрамлявшие прекрасное юношеское лицо — нежное, словно выточенное из мрамора. Большие миндалевидные лучистые глаза цвета морской волны придавали это-

му милому, женственному лицу выражение отваги и решимости, что никак не соответствовало всему хрупкому, нежному облику юноши.

Спартак недоуменно взглянул на юношу, затем повернулся к декану, вызвавшему его из палатки, как бы спрашивая его, этот ли воин желает с ним говорить, и, когда декан утвердительно кивнул, Спартак подошел к юноше и спросил его удивленным тоном:

– Так это ты хотел меня видеть? Кто ты? Что тебе нужно?

Лицо юноши вспыхнуло, затем вдруг сразу побледнело, и после минутного колебания он твердо ответил:

– Да, Спартак, я.

И после короткой паузы добавил:

– Ты не узнаешь меня?

Спартак пристально вглядывался в тонкие черты юноши, словно отыскивая в памяти какие-то стершиеся воспоминания, какой-то отдаленный отзвук. Затем он ответил, не сводя глаз со своего собеседника:

– В самом деле... Мне кажется, я где-то видел тебя... Но где?... Когда?..

Затем снова наступило молчание, и гладиатор, первым прервав его, спросил:

– Ты римлянин?

Юноша покачал головой и, улыбнувшись печальной, какой-то вымученной улыбкой, как будто ему хотелось заплакать, ответил:

– Память твоя, доблестный Спартак, не так сильна, как твоя рука.

При этой улыбке и этих словах точно молния осветила сознание фракийца: он широко открыл глаза, со все возрастающим удивлением вперил их в юного солдата и неуверенным тоном воскликнул:

– Неужели!.. Может ли быть?.. Юпитер Олимпиец! Да неужели это ты?

– Да, это я, Эвтибида. Да, да, Эвтибида, – ответил юноша, вернее, девушка, так как перед Спартаком действительно стояла переодетая Эвтибида.

Он смотрел на нее и никак не мог прийти в себя от удивления. Тогда гречанка сказала:

– Разве я не была рабыней? Разве я не видела, как родных моих обратили в рабство?.. Разве я не утратила отечества?..

Девушка говорила, еле сдерживая гнев, а последние слова произнесла со страстным негодованием.

– Я понимаю, понимаю тебя... – задумчиво и грустно сказал Спартак. Минуту он молчал, затем, подняв голову, добавил с глубоким, печальным вздохом: – Ты слабая, изнеженная женщина, привыкшая к роскоши и удобствам... Что станешь ты здесь делать?

– О! – гневно воскликнула девушка. Никто не подумал бы, что она способна на такую вспышку. – О Аполлон Дельфийский, просвети его разум! Он ничего не понимает! Во имя фурий-мстительниц, говорю тебе, что я хочу отомстить

за своего отца, за братьев, за порабощенную отчизну, за мою молодость, за мою загубленную жизнь, а ты еще спрашиваешь, что я собираюсь делать в этом лагере!

Лицо девушки и прекрасные ее глаза горели гневом. Спартак был растроган этой дикой энергией и силой и, протянув руку гречанке, сказал:

– Да будет так! Оставайся в лагере... шагай бок о бок с нами, если ты можешь... сражайся вместе с нами, если ты в силах.

– Я все смогу, если захочу, – нахмутив брови, ответила отважная девушка. Она судорожно сжала протянутую ей руку Спартака.

Но от этого прикосновения вся энергия, вся жизненная сила как будто ослабела в ней. Эвтибида вздрогнула, побледнела, ноги у нее подкосились, она была близка к обмороку. Заметив это, фракиец подхватил ее левой рукой и поддерживал, чтобы она не упала.

От этого невольного объятия дрожь пробежала по всему ее телу. Фракиец заботливо спросил:

– Что с тобой? Чего ты хочешь?

– Поцеловать твои могучие руки, покрывшие тебя славой, о доблестный Спартак! – прошептала она и, склонясь к рукам гладиатора, приникла к ним жарким поцелуем.

Точно туманом заволокло глаза великого полководца, кровь закипела в жилах и огненной струей ударила в голову. На миг у него возникло желание сжать девушку в своих объ-

ятиях, но он быстро овладел собой и, отдернув свои руки, отодвинулся от нее и сдержанно сказал:

– Благодарю тебя... достойная женщина... за участие в судьбе угнетенных... Благодарю за выраженное тобой восхищение, но ведь мы хотим уничтожить рабство и поэтому должны устранять любое его проявление.

Эвтибида стояла молча, с опущенной головой, не двигаясь, точно пристыженная. Гладиатор спросил:

– В какую часть нашего войска ты желаешь вступить?

– С того дня, как ты поднял знамя восстания, и до вчерашнего дня я с утра до вечера училась фехтовать и ездить верхом... Я привела с собой трех великолепных коней, – ответила гречанка, мало-помалу приходя в себя, и, наконец, окончательно овладев собой, подняла глаза на Спартака. – Желаешь ли ты, чтобы я была твоим контуберналом?⁵

– У меня нет контуберналов, – ответил вождь гладиаторов.

– Но если ты ввел в войска рабов, борющихся за свободу, римский боевой строй, то теперь, когда твоя армия выросла до четырех легионов, необходимо, чтобы и ты, их вождь, имел, по римским обычаям, подобающую твоему званию свиту и поднял этим свой престиж. Контуберналы будут необходимы тебе уже с завтрашнего дня, так как, командуя

⁵ *Контубернал* – буквально: товарищ по палатке. В каждой палатке в лагере обыкновенно помещалось десять человек, которые составляли товарищество (контуберний). Здесь: ординарец.

армией в двадцать тысяч человек, ты не можешь попасть в одно и то же время в различные места; у тебя должны быть ординарцы для передачи твоих распоряжений начальникам легионов.

Спартак с удивлением смотрел на девушку и, когда она умолкла, тихо произнес:

– Ты необыкновенная женщина!

– Скажи лучше – пылкая и твердая душа в слабом женском теле, – гордо ответила гречанка.

И через минуту продолжала:

– У меня сильный характер и пытливый ум, я одинаково хорошо владею латынью и греческим языком, я могу оказать серьезные услуги нашему общему делу, на которое я отдала все свое достояние... около шестисот талантов, а с этого дня я посвящаю ему всю свою жизнь.

С этими словами она обернулась к проходившей в нескольких шагах от претория главной дороге лагеря, по которой сновали взад и вперед гладиаторы, и позвала кого-то резким долгим свистом. Тотчас на дороге появился раб, подгонявший лошадь; на спине ее в двух небольших мешках было сложено золото Эвтибиды, которое она приносила в дар восставшим. Лошадь остановилась перед Спартаком.

Фракиец был ошеломлен смелостью и широтой души молодой гречанки; несколько секунд он был в смущении и не знал, что ей ответить; затем сказал, что так как это лагерь рабов, объединившихся для завоевания свободы, то он, ко-

нечно, открыт для тех, кто хочет примкнуть к ним; следовательно, и Эвтибиду охотно примут в лагерь гладиаторов; вечером он соберет руководителей Союза, чтобы поговорить о ее щедром даре армии гладиаторов. Что же касается желания Эвтибиды быть его контуберналом, то он ничего не может обещать ей: если будет постановлено, что при вожде гладиаторов должны состоять контуберналы, он о ней не забудет.

Спартак прибавил несколько слов благодарности, согласно правилам греческой учтивости, но произнес эти ласковые слова признательности строгим, почти мрачным тоном; потом, простившись с Эвтибидой, он вернулся в свою палатку.

Застыв неподвижно, словно статуя, девушка следила взглядом за Спартаком и, когда он скрылся в палатке, еще долго смотрела ему вслед. Потом, тяжело вздохнув, она сделала над собой усилие и, опустив голову, медленно пошла в тот конец лагеря, который, по римскому обычаю, отводился для союзников и где ее рабы, которых она привезла с собой, разбили для нее палатку. Она тихо шептала:

– И все же я люблю, люблю его!

Тем временем Спартак велел позвать в свою палатку Крикса, Граника, Борторикса, Арторикса, Брезовира и других военачальников Союза и до поздней ночи держал с ними совет.

На этом совете были приняты следующие решения: взять деньги, принесенные в дар гречанкой Эвтибидой, и большую часть их употребить на приобретение оружия, щитов и пан-

цирей у всех оружейников окрестных городов; гречанку удостоить просимой ею должности контубернала и в этом чине, совместно с девятью юношами, которых Спартак выберет в гладиаторских легионах, приписать к главному штабу. Всеми было признано, что теперь вождя гладиаторов должны сопровождать контуберналы для передачи его приказаний. Было решено также двести талантов истратить на покупку уже обьезженных лошадей, для того чтобы возможно скорее создать кавалерийский корпус и теснее сочетать его действия с действиями многочисленной пехоты, основной силы войска гладиаторов.

Относительно военных операций было решено, что Крикс останется с двумя легионами в Ноле и совместно с Граником будет руководить обучением равеннского легиона, прибывшего в лагерь два дня назад; Спартак с легионом, которым командовал Борторикс, соединится в Бовиане с Эномаем и нападёт на Коссиния и Вариния, прежде чем те закончат комплектование своей новой армии.

И вот на рассвете следующего дня Спартак во главе легиона вышел из лагеря и через Кавдинские горы направился в Аллифы. Сколько Эвтибида и Мирца ни просили его взять их с собой, он не согласился, заявив им, что идет не на войну, а только в разведку и скоро вернется; он просил их оставаться в лагере и ждать его возвращения.

Когда Спартак прибыл в Бовиан, он уже не застал там Эномая, которому надоело без дела сидеть в лагере. Два дня

назад он снялся с лагеря и, предоставив Коссинию сидеть за стенами Бовиана, направился в Сульмон, где, по донесениям разведчиков и шпионов, находился Вариний, набравший солдат. Эномай надеялся напасть на него и разбить.

Но случилось то, чего ограниченный ум Эномая не мог предвидеть: Коссиний, на следующий же день после ухода германца, тайно оставил Бовиан и направился по следам гладиаторов с намерением атаковать их с тыла, как только они встретятся с Варинием.

Спартак сразу понял всю опасность положения Эномая; он дал своему легиону только несколько часов для отдыха, а затем отправился по следам Коссиния, который опередил его уже на два дня. Коссиний, старый солдат, но бесталанный полководец, слепо благоговел перед старинными правилами; он двигался, как это обычно полагалось, переходами по двадцать миль в день, а Спартак, совершив два перехода по тридцать, догнал его через два дня у Ауфидены и напал с тыла. Нанеся Коссинию жестокое поражение, Спартак стал преследовать бегущих римлян. Коссиний со стыда и отчаяния бросился в гущу гладиаторов и погиб.

Продолжая продвигаться все с той же скоростью, Спартак вовремя подоспел на помощь Эномаю и неминуемое его поражение превратил в победу. Германец вступил в бой с Варинием между Маррувием и озером Фуцин. У Вариния было около восьми тысяч человек. Под натиском римлян ряды гладиаторов заколебались, но в этот момент явился Спартак

и сразу изменил ход сражения. Вариний, потерпев поражение и понеся тяжелый урон, быстро отступил к Корфинию.

После этого Спартак дал своим легионам трехдневный отдых, а затем снова двинулся в поход, вновь перешел Апеннины близ Ауфидены и овладел Сорой, которая сдалась без сопротивления. Не чиня здесь никаких насилий, он только освободил рабов и гладиаторов и вооружил их.

За два месяца он исходил вдоль и поперек весь Латий, побывал в Анагнии, Арпине, Ферентине, Казине, Фрегеллах и, перейдя через Лирис, овладел Норбой, Суэссой-Пометией и Приверном, внушив сильную тревогу Риму, которому чудилось, что гладиатор уже стоит у его ворот.

Во время этих набегов Спартак набрал столько рабов и гладиаторов, что за два месяца составил два новых легиона и полностью вооружил их. Но предусмотрительного Спартака не соблазняла мысль об осаде Рима. Он понимал, что двадцати и даже тридцати тысяч солдат, которыми он мог располагать, вызвав легионы, находившиеся в Кампанье, было бы недостаточно для такой операции.

Тем временем Публий Вариний набрал с разрешения сената огромное количество солдат среди пицентов, получил подкрепления из Рима и, желая смыть позор поражения, в конце августа выступил из Аскула во главе восемнадцати тысяч солдат и большими переходами двинулся на Спартака. Спартак, отошедший за эти дни к Таррацине, узнав о приближении Вариния, пошел ему навстречу и обнаружил его

лагерь близ Аквина. Накануне сентябрьских ид (19 сентября) войска сошлись, и завязалось сражение.

Сражение это было долгим и кровопролитным, но к вечеру римляне дрогнули, заколебались и вскоре под натиском бешеной атаки гладиаторов обратились в бегство. Эта последняя атака была столь стремительной и сильной, что легионы Вариния были разбиты наголову.

Сам Вариний, стремясь поддержать честь Рима, сражался с отчаянной храбростью и большим упорством, но, раненый Спартакон, принужден был оставить в его руках своего коня и благодарить богов за спасение собственной жизни. Свыше четырех тысяч римлян погибло в этом кровопролитном бою. Гладиаторы завладели их оружием, обозом, лагерным оборудованием и знаменами, взяли в плен даже ликторов⁶ из свиты претора.

⁶ *Ликторы* – почетная стража высших должностных лиц в Риме. Они шли впереди должностных лиц, расчищая перед ними путь.

Глава XIV

В которой среди многих различных чувств преобладающим оказалась гордость ликтора Симплициана

После поражения под Аквином претор Публий Вариний с десятью тысячами воинов – остатками своих разбитых легионов – отступил в Норбу; там он укрепился, намереваясь защищать одновременно и Аппиеву и Латинскую дороги на тот случай, если бы ненавистный гладиатор, вопреки всем правилам тактики, традициям и указаниям самых опытных полководцев, дерзнул, невзирая на надвигающуюся зиму, двинуться к стенам Рима.

В свою очередь, Спартак после блестящей победы под Аквином послал в лагерь под Нолой гонцов с извещением об этой победе, а своим легионам разрешил отдых в лагере, оставленном римлянами. Там он вызвал в свою палатку Эномай и передал ему командование четырьмя легионами, взяв с германца клятву, что до возвращения Спартака он ни в коем случае не оставит аквинский лагерь. Эномай дал клятвенное обещание. В два часа пополудни Спартак тайно покинул лагерь гладиаторов и во главе трехсот конников отправился в поход, цель которого была известна только ему одному.

За два месяца, проведенных Спартакom в походах по Самнию и Латию, в лагерь под Нолой прибыло со всех концов Италии такое количество рабов и гладиаторов, что Крикс сформировал три новых легиона, численностью свыше пяти тысяч человек каждый, и отдал их под начало Арторикса, Брезовира и одного старого атлета-кимвра, который еще юношей был взят в плен Марием в сражении при Верцеллах. Кимвра звали Вильмиром; несмотря на свой буйный нрав, он пользовался большим уважением среди гладиаторов за геркулесовскую силу и исключительную честность.

Легионы, выполняя приказ Спартака, ежедневно упражнялись в обращении с оружием, в тактическом маневрировании; солдаты занимались этим охотно и с большим прилежанием. Надежда обрести свободу и увидеть торжество своего правого дела воодушевляла этих несчастных, насильственно отторгнутых Римом от отчизны, от семей, от родных и близких. Сознание, что они солдаты, борющиеся под святым знаменем свободы, повышало в них чувство человеческого достоинства, поверженное в прах угнетателями, и поднимало их в собственных глазах; жажда мести за все перенесенные обиды зажигала в их груди желание с оружием в руках помериться силами с угнетателями. В лагере под Нолой на лицах воинов и во всех их поступках сквозили отвага, сила, мужество, вера в непобедимость своей только что созданной армии. Это воодушевление подкреплялось доверием гладиаторов к своему вождю, к которому они питали беспредель-

ное уважение и любовь.

Когда в лагерь пришло известие о победе Спартака над легионами Публия Вариния под Аквином, гладиаторов охватила радость. Всюду слышны были веселые песни, победные возгласы и оживленные разговоры. Среди суматохи, которая царила в лагере, напоминавшем в эти дни волнующееся море, может быть, одна только Мирца не знала причины этого всеобщего веселья. Она выглянула из палатки, где сидела в одиночестве целыми днями, и спросила у солдат, чем вызвано столь бурное ликование.

– Спартак опять победил!

– Он наголову разбил римлян!

– Да так, что они надолго запомнят!

– Где? Как? Когда? – с жадным нетерпением расспрашивала их девушка.

– Под Аквином.

– Три дня назад.

– Он разбил претора, захватил его коня, ликторов и знамена!

В эту минуту у главной палатки на преторской площадке показался Арторикс; он шел к Мирце по вполне основательному поводу: сообщить ей подробности о победе, одержанной ее братом над римлянами. Но, подойдя к девушке, галл покраснел от смущения и не знал, как начать разговор.

– Вот в чем дело... Здравствуй, Мирца, – бормотал юноша, боясь взглянуть на нее и теребя перевязь, спускавшуюся

с левого плеча к правому боку. — Ты уж, верно, знаешь... Это было под Аквином... Как ты поживаешь, Мирца?

И после короткой паузы прибавил:

— Так вот, значит, Спартак победил.

Арторикс понимал, что он смешон, и это еще больше смущало его; язык словно прилипал к гортани, и он, запинаясь, произносил какие-то бессвязные слова. Он предпочел бы в эту минуту оказаться в самом пекле сражения, лицом к лицу с опасным противником, чем оставаться с глазу на глаз с Мирцей.

А все дело было в том, что Арторикс, человек нежной и кристально чистой души, боготворивший Спартака, с некоторого времени начал испытывать еще неизвестное ему смягчение чувств.

Завидев Мирцу, он приходил в смущение, голос ее вызывал в нем необъяснимый трепет, а ее речи казались нежнейшими звуками сапфической арфы, которые помимо воли уносили его в неведомые блаженные края.

На первых порах он безотчетно предавался этим сладостным восторгам, не думая о причине, их порождавшей; он убаюкивал себя этими таинственными гармоническими звуками, которые опьяняли его; он находился во власти неясных грез и сладостных переживаний, не понимая и даже не стараясь понять, что с ним происходит.

С того дня, как Спартак отправился в Самний, молодому гладиатору не раз случалось подходить к палатке полковод-

ца, где жила теперь Мирца, и он сам не знал, каким образом и для чего он тут очутился; нередко бывало и так, что, сам того не замечая, он вдруг оказывался где-то среди поля или в винограднике за несколько миль от лагеря и не мог сообщить, как он попал туда и зачем пришел.

Но через месяц после отъезда Спартака случилось нечто такое, что заставило молодого галла поразмыслить над опасностью своих сладких мечтаний и призвать на помощь разум, чтобы внести порядок в хаос взбудораженных чувств.

А произошло вот что. На первых порах Мирца не придавала особого значения частым посещениям Арторикса и доверчиво болтала с ним, радуясь его дружбе; но по мере того как их встречи учащались, она, завидев его, то краснела, то бледнела, становилась задумчивой, смущенной. Все это заставило юношу внимательнее разобраться в своих чувствах, и вскоре он убедился, что полюбил сестру Спартака.

Странное, непонятное поведение Мирцы он истолковывал как проявление презрения к нему; ему и в голову не приходило, что Мирца сама испытывала такие же чувства, какие переполняли его сердце. Он не осмеливался надеяться на то, что девушка тоже любит его, и совсем не думал, что именно любовью и объясняется ее смущение при встречах с ним. Оба вынуждали себя подавлять свои чувства, с трудом скрывая друг от друга волнение души; они старались даже избегать друг друга, хотя лелеяли мечту о встрече; пытались отдалиться друг от друга, а виделись все чаще; желая говорить,

молчали; встретившись друг с другом, стремились поскорее разлучиться и, не в силах расстаться, стояли, опутив глаза, время от времени украдкой бросая друг на друга быстрый взгляд, словно считали его преступлением.

Поэтому Арторикс с радостью воспользовался случаем повидать Мирцу и отправился сообщить ей о новой победе Спартака, по пути рассуждая с самим собою о том, что более удачного повода для встречи с любимой ему не могло представиться. Он пытался уверить себя, что вовсе не придрался к случаю, — не пойти к ней и не сообщить такую приятную новость из-за какой-то глупой стеснительности и робости было бы не только ребячеством, но и попросту дурным поступком!

И молодой галл поспешил к Мирце; сердце его билось от радости и надежды. Он шел к девушке, твердо решив побороть свое смущение и непонятную тревогу, овладевавшую им при встрече с Мирцей. Он решил поговорить с ней откровенно, с решимостью, подобающей мужчине и воину, и смело открыть ей свою душу. «Так как положение создалось очень странное, — думал он, направляясь к палатке Спартака, — то надо с ним покончить раз навсегда, — давно уже пора принять какое-нибудь решение и избавиться от невыразимой мучительной тоски».

Но как только Арторикс очутился перед Мирцей, все его планы рассеялись как дым; он стоял перед ней, словно школьник, пойманный учителем на месте преступления; по-

ток красноречивых излияний внезапно иссяк, не излившись, и Арториксу с трудом удалось произнести лишь несколько бессвязных слов. Горячая волна крови прихлынула к лицу девушки; после минутной паузы, усилием воли подавив смущение, она постаралась овладеть собой и наконец сказала Арториксу слегка дрожащим голосом:

– Что же ты, Арторикс? Разве так рассказывают сестре о бранных подвигах ее брата?

Юноша покраснел при этом укоре и, призвав на помощь свое утраченное было мужество, подробно передал девушке все, что гонцы сообщили о сражении под Аквином.

– А Спартак не ранен? – спросила Мирца, взволнованно слушавшая рассказ гладиатора. – Это правда, что он не ранен? Ничего с ним не случилось?

– Нет. Жив и невредим, как всегда, невзирая на все опасности которые угрожали ему.

– О, эта его сверхчеловеческая отвага! – воскликнула Мирца голосом, в котором звучало уныние. – Из-за нее-то я ежечасно и ежеминутно тревожусь!

– Не страшись, не бойся, благороднейшая из девушек: до тех пор, пока в руке Спартака меч, нет такого оружия, которое могло бы пронзить его грудь.

– О, я верю, – воскликнула, вздохнув, Мирца, – что он непобедим, как Аякс, но я знаю и то, что он так же уязвим, как Ахилл!

– Великие боги явно покровительствуют нашему правому

делу и сохраняют драгоценную жизнь нашего вождя!

Оба умолкли.

Арторикс влюбленными глазами смотрел на белокурую девушку, любуясь правильными чертами ее лица и стройным станом.

Мирца не поднимала глаз, но чувствовала устремленный на нее пристальный взгляд юноши, и этот взгляд, полный пламенной любви, вызывал у нее радость и тревогу, был ей приятен и беспокоил ее.

Тягостное для Мирцы молчание длилось не более минуты, но оно показалось ей вечностью. Сделав над собой усилие, она решительно подняла голову и посмотрела прямо в лицо Арториксу.

– Разве ты не собираешься сегодня проводить учение с твоим легионом?

– О Мирца, неужели я так надоел тебе! – воскликнул огорченный ее вопросом юноша.

– Нет, Арторикс, нет! – опрометчиво ответила девушка, но тут же спохватилась и, покраснев, добавила, заикаясь: – Потому что... да потому... ты ведь всегда с такой точностью исполняешь свои обязанности!

– В честь одержанной Спартаком победы Крикс приказал дать отдых всем легионам.

Разговор снова прервался.

Наконец Мирца сделала решительное движение, собираясь вернуться в палатку, и сказала, не глядя на гладиатора:

– Прощай, Арторикс!

– Нет, нет, выслушай меня, Мирца, не уходи, пока я не скажу тебе того, что уже много дней собираюсь сказать... и сегодня должен сказать... обязательно, – торопливо промолвил Арторикс, опасаясь, как бы Мирца не ушла.

– Что ты хочешь сказать мне?.. О чем ты хочешь говорить со мной?.. – спросила сестра Спартака, более встревоженная, чем удивленная словами галла. Она уже стояла у входа в палатку, но лицо ее было обращено к Арториксу.

– Вот видишь ли... выслушай меня... и прости... Я хотел сказать тебе... я должен сказать... но ты не обижайся... на мои слова... потому что... я не виноват... и притом... вот уже два месяца, как...

Пролепетав еще несколько бессвязных фраз, он замолчал. Но вдруг речь его полилась порывисто и быстро, словно поток, вырвавшийся из теснины:

– Почему я должен скрывать это от тебя? Ради чего должен я стараться скрыть любовь, которую больше не в силах заглушить в себе и которую выдает каждое мое движение, каждое слово, взгляд, каждый вздох? До сих пор я не открывал тебе своей души, боясь оскорбить тебя или быть отвергнутым, опротиветь тебе... Но я больше не могу, не могу противиться очарованию твоих глаз, твоего голоса; не могу бороться с непреодолимой силой, влекущей меня к тебе. Верь мне, эта тревога, эта борьба истерзали меня, я не могу, не хочу больше жить в таких мучениях... Я люблю тебя, Мир-

ца, красавица моя! Люблю, как люблю наше знамя, как люблю Спартака, гораздо больше, чем люблю самого себя. Если я оскорбил тебя своей любовью, прости меня; какая-то таинственная могучая сила покорила мою волю, мою душу, и, верь мне, я не могу освободиться от ее власти.

Голос Арторикса дрожал от волнения. Наконец он умолк и, склонив голову, покорно, с трепещущим сердцем ждал ее приговора.

Юноша говорил со все более возрастающим жаром, порожденным глубоким чувством, и Мирца слушала его с нескрываемым волнением: глаза ее стали огромными, и в них стояли слезы; она с трудом сдерживала рыдания, подступавшие к горлу. Когда Арторикс умолк, девушка от волнения вздохнула порывисто. Она стояла неподвижно, не чувствуя, что по лицу ее текут слезы, и полным нежности взглядом смотрела на склоненную перед ней белокурую голову юноши. Спустя минуту она промолвила еле слышным голосом, прерывающимся от рыданий:

– Ах, Арторикс, лучше бы ты никогда не думал обо мне! Еще лучше было бы, если бы ты никогда не говорил мне о своей любви...

– Значит, ты равнодушна ко мне, я противен тебе? – печально спросил галл, обратив к ней побледневшее лицо.

– Ты мне не безразличен и не противен, честный и благородный юноша. Любая девушка, богатая и прекрасная, могла бы гордиться твоей любовью... Но эту любовь... ты должен

вырвать из своей души... мужественно и навеки.

– Почему же? Почему?.. – спросил с тоскою бедный гладиатор, с мольбой протягивая к ней руки.

– Потому что ты не можешь любить меня, – ответила Мирца, и голос ее был еле слышен сквозь рыдания. – Любовь между нами невозможна...

– Что?.. Что ты сказала? – прервал ее юноша, сделав к ней несколько шагов, как бы желая схватить ее за руку. – Что ты сказала?.. Невозможна?.. Почему невозможна? – горестно восклицал он.

– Невозможна! – повторила она твердо и сурово. – Я уже сказала тебе, невозможна!

И она повернулась, чтобы войти в палатку. Но так как Арторикс сделал движение, словно желая последовать за ней, она остановилась и, решительно подняв правую руку, сказала прерывающимся голосом:

– Во имя гостеприимства прошу тебя никогда не входить в эту палатку!.. Приказываю это тебе именем Спартака!

Услышав имя любимого вождя, Арторикс остановился на пороге, склонив голову. А Мирца, мертвенно бледная, подавленная горем, с трудом сдерживая слезы, скрылась в палатке.

Галл долго не мог прийти в себя. Изредка он шептал почти беззвучно:

– Не-воз-мож-на!.. Не-воз-мож-на!..

Из этого состояния его вывели оглушительные звуки

военных фанфар: в лагере праздновали победу Спартака. Охваченный страстью, юноша, сжимая кулаки, посылал проклятия небу:

– Пусть ослепит меня своими молниями, пусть испепелит меня Таран, прежде чем я потеряю рассудок!

И, схватившись руками за голову, он покинул преторскую площадку; в висках у него стучало, он шатался, как пьяный. Из палаток гладиаторов доносились песни, гимны и радостные возгласы в честь победы под Аквином, одержанной Спартаком.

А Спартак тем временем во главе своих трехсот конников скакал во весь опор по римской дороге. Хотя последняя победа гладиатора навела страх на жителей латинских городов, Спартак считал опасным появляться днем на Аппиевой дороге и прилегающих к ней преторских дорогах с немногочисленным отрядом в триста человек; поэтому фракиец пускался в путь, только когда сгущались сумерки, а с наступлением рассвета укрывался в лесу, или на какой-нибудь патрицианской вилле, расположенной вдали от дороги, или в таком месте, где можно было укрепиться в случае неожиданного нападения. Так, быстро продвигаясь, он на третьи сутки после выступления из аквинского лагеря в полночь достиг Лабика, города, находившегося на равном расстоянии от Тускула и Пренесты, между Аппиевой и Латинской дорогами. Расположившись со своими всадниками лагерем в укромном и безопасном месте, вождь гладиаторов вызвал к себе коман-

довавшего отрядом самнита и приказал дожидаться его тут в течение двадцати четырех часов. В случае, если Спартак по истечении этого срока не вернется, самнит должен был возвратиться в Аквин со всеми тремястами конниками той же дорогой и тем же порядком, как они шли сюда.

И Спартак один поскакал по преторской дороге, которая от Пренесты вела через Лабик в Тускул.

На очаровательных холмах, окружавших этот старинный город, расположены были многочисленные виллы римских патрициев, которые в летние месяцы приезжали сюда подышать целительным воздухом Латия и часто оставались здесь до глубокой осени.

Когда Спартак находился в двух милях от города, уже начинало светать. Он спросил у какого-то крестьянина, направлявшегося с мотыгой в поле, как проехать на виллу Валерии Мессалы, вдовы Луция Суллы. Крестьянин подробно рассказал. Спартак поблагодарил его, прищепил своего вороного скакуна и, свернув на указанную тропинку, вскоре подъехал к вилле. Спешившись, он опустил на лицо забрало шлема, позвонил и стал ждать, когда привратник впустит его.

Тот, однако, не торопился, и когда наконец вынужден был открыть калитку, то ни за что не соглашался разбудить домоправителя и сообщить ему, что из Фракии, из когорты Марка Валерия Мессалы Нигера, который находится в этих краях на зимних квартирах в армии консула Лукулла, прибыл

солдат и просит допустить его к Валерии, чтобы передать ей важные вести от двоюродного брата.

Спартаку удалось наконец уговорить привратника, но, очутившись перед домоправителем, он столкнулся с еще большими трудностями: старик домоправитель оказался еще более упрямым и несговорчивым, чем привратник, и ни за что не соглашался разбудить свою госпожу в столь ранний час.

– Вот что, – сказал наконец Спартак, решивший пуститься на хитрость, чтобы добиться желаемого, – ты, добрый человек, знаешь греческое письмо?

– Не только греческие, я и латинские-то буквы плохо разбираю...

– Да неужели на вилле не найдется ни одного раба-грека, который мог бы прочесть рекомендательное письмо, с которым трибун Мессала направил меня к своей двоюродной сестре?

Ожидая с некоторой тревогой ответа домоправителя, он делал вид, будто ищет пергамент за панцирем; если бы на вилле действительно оказался раб, умеющий читать по-гречески, Спартак заявил бы, что потерял письмо.

Но расчеты его оправдались: домоправитель, вздохнув, покачал головой и горько усмехнулся:

– Все рабы бежали с этой виллы, и греки и не греки, в лагерь Спартака... – И, понизив голос, угрюмо добавил: – Да испепелит Юпитер своими молниями этого гнусного, про-

клятого гладиатора!

Спартак обуял гнев, и, хотя перед ним был старик, он с удовольствием стукнул бы его кулаком, но, одолев это искушение, спросил домоправителя виллы Валерии:

– Почему же ты говоришь так тихо, когда ругаешь гладиатора?

– Потому... потому... – бормотал смущенный домоправитель, – потому что Спартак принадлежал к челяди Валерии и ее супруга, великого Суллы; он был ланистой их гладиаторов, и Валерия, моя добрейшая госпожа, – да покровительствуют ей на многие лета великие боги! – проявляет слабость к этому Спартаку, считает его великим человеком... и решительно запрещает дурно говорить о нем...

– Вот злодейка! – воскликнул Спартак с веселой иронией.

– Эй ты, солдат! – вскричал домоправитель и, попятившись от Спартака, смерил его с ног до головы суровым взглядом. – Мне кажется, ты дерзко говоришь о моей превосходнейшей госпоже!..

– Да нет же!.. Я не хочу сказать ничего дурного, но, если благородная римская матрона сочувственно относится к гладиатору...

– Да я ведь сказал тебе... это ее слабость...

– Ага, понимаю! Но если ты, раб, не желаешь и не можешь порицать эту слабость, мне, свободному, надеюсь, ты это разрешишь!

– Да ведь во всем виноват Спартак!

– Ну конечно, клянусь скипетром Плутона!.. Я тоже говорю: во всем виноват Спартак... клянусь Геркулесом! Подумать только, осмелился внушить к себе симпатию великодушной матроны!

– Да, внушил. Этакий мерзкий гладиатор!

– Вот именно – мерзкий!

Но тут, прервав свою речь, фракиец спросил совсем другим тоном:

– Скажи мне все-таки, что тебе сделал дурного Спартак? За что ты так сильно ненавидишь его?

– И ты еще спрашиваешь, что плохого мне сделал Спартак?

– Да, спрашиваю. Говорят, этот плут провозгласил свободу рабам, а ведь ты тоже раб, и, мне кажется, тебе, наоборот, следовало бы питать добрые чувства к этому проходимцу.

И, не дав старику времени ответить, тут же добавил:

– Если только ты не притворяешься!

– Я притворяюсь?! Это я-то притворяюсь?.. О, пусть Минос будет милостив к тебе в день суда над тобою... Да и к чему мне притворяться? Из-за безумной затеи этого негодяя Спартака я стал самым несчастным человеком. Хотя я и был рабом у добрейшей Валерии, при мне были мои сыновья, и я был счастливейшим из смертных!.. Двое красавцев! Если бы ты их видел!.. Если бы ты их знал! Они близнецы! Да хранят их боги. Такие красавцы и так похожи друг на друга, как Кастор и Поллукс!..

– Но что же случилось с ними?

– Оба бежали в лагерь гладиатора, и вот уже три месяца, как нет от них никаких вестей... Кто знает, живы ли они еще!.. О великий Сатурн, покровитель самнитов, сохрани жизнь моим дорогим, моим прекрасным, моим горячо любимым детям!

Старик горько заплакал, и его слезы растрогали Спартака. Помолчав немного, он сказал домоправителю:

– Ты, значит, считаешь, что Спартак поступил плохо, решив дать свободу рабам? Ты думаешь, что твои сыновья поступили дурно, присоединившись к нему?

– Клянусь всеми богами, покровителями самнитов! Конечно, они нехорошо поступили, восстав против Рима. О какой такой свободе болтает этот сумасброд гладиатор? Я родился свободным в горах Самния. Началась гражданская война... Наши вожди кричали: «Мы хотим добиться прав гражданства, которыми пользуются латиняне, как для нас, так и для всех италийцев!» И мы подняли восстание, мы дрались, рисковали жизнью... Ну а потом? А потом я, свободный пастух-самнит, стал рабом Мессалы. Хорошо еще, что я попал к таким благородным и великодушным хозяевам. Рабыней также стала и жена свободного самнита и родила детей в рабстве, и... – Старик на минуту умолк, затем продолжал: – Бредни! Мечты! Выдумки! Мир был и всегда будет делиться на господ и рабов, богатых и бедных, благородных и плетеев... и так он всегда будет разделен... Выдумки! Мечты!

Бредни!.. В погоне за ними льется драгоценная кровь, кровь наших детей... И все это ради чего? Что мне до того, что в будущем рабы будут свободны, если ради этого погибнут мои дети? Зачем мне тогда свобода? Для того чтобы оплакивать моих сыновей? О, я тогда буду богат и счастлив... и смогу проливать слезы, сколько мне будет угодно! Ну а если дети мои останутся живы... и все пойдет как нельзя лучше, и завтра мы все будем свободны? Что же тогда? Что мы будем делать с нашей свободой, раз у нас ничего нет? Сейчас мы живем у доброй госпожи, живем у нее в достатке, есть у нас все необходимое и даже больше того. Если мы станем свободными, то пойдем работать на чужих полях за такую скудную плату, на которую не купишь даже самого необходимого... Вот мы будем счастливы, когда получим свободу... умирать с голоду!.. То-то будем счастливы!..

Старый домоправитель закончил свою речь, вначале грубую и бессвязную, но приобретающую силу и энергию по мере того, как он говорил.

Выводы, которые он сделал, произвели на Спартака глубокое впечатление; фракиец склонил голову, погрузившись в глубокие и скорбные думы.

Наконец он встрепенулся и спросил домоправителя:

– Значит, здесь на вилле никто не знает греческого языка?

– Никто.

– Дай-ка мне палочку и дощечку.

Разыскав то и другое, домоправитель подал их солдату.

Тогда Спартак на слое воска, покрывавшем дощечку, написал по-гречески две строки из поэмы Гомера:

Я пришел издалека, о женщина, милая сердцу,
Чтобы пылко обнять твои, о царица, колени.

Протянув домоправителю дощечку, Спартак сказал:
– Отдай это сейчас же служанке твоей госпожи. Пускай она разбудит матрону и передаст ей эту дощечку, не то и тебе и рабыне плохо придется.

Домоправитель внимательно рассмотрел дощечку с начертанными на ней непонятными значками, поглядел на Спартака, который в задумчивости медленно прогуливался по дорожке, и, решив, по-видимому, исполнить приказание, направился к вилле.

Спартак продолжал прохаживаться по дорожке и, то убыстряя, то замедляя шаги, дошел до площадки, расположенной перед самой виллой. Слова старого самнита смутили фракийца.

«Да ведь он прав, клянусь всеми богами Олимпа!.. Если погибнут в боях за свободу сыновья, что же будет радовать его на старости лет? – думал Спартак. – Мы победим, но ему-то что даст свобода, которая придет рука об руку с нищетой, голодом и холодом?.. Он прав!.. Да... Но тогда... Чего же я хочу, к чему стремлюсь?.. Кто я?.. Чего добиваюсь?...»

Он остановился на мгновение, словно испугавшись задан-

ных самому себе вопросов; потом опять медленно зашагал, склонив на грудь голову под бременем гнетущих мыслей.

«Следовательно, то, чего я добиваюсь, – лишь химера, пленившая меня обманчивым обликом правды, и я гоняюсь за призраком, которого мне никогда не догнать? Если я и настигну его, он рассеется, словно туман, а мне будет казаться, что я крепко держу его. Что же это? Только сновидение, греза, пустая фантазия? И ради своих бредней я проливаю потоки человеческой крови?..»

Подавленный этими мыслями, он остановился, потом сделал несколько шагов назад, как человек, на которого наступал невидимый, но грозный враг – раскаяние. Но, тотчас же придя в себя, он высоко поднял голову и зашагал твердо и уверенно.

– Клянусь молниями всемогущего Юпитера Олимпийского, – прошептал он, – где же это сказано, что свобода неразлучна с голодом и человеческое достоинство может быть обложено только в жалкие лохмотья самой грязной нищеты? Кто это сказал? В каких божественных скрижалях это начертано?

Поступь Спартака вновь стала твердой и решительной; видно было, что к нему возвращалась обычная бодрость.

«О, – размышлял он, – теперь ты явилась ко мне, божественная истина, сбросив с себя маску софизмов, теперь ты передо мной в сиянии твоей целомудренной наготы, ты вновь укрепила мои силы, успокоила мою совесть, придала

мне бодрость в моих святых начинаниях! Кто, кто установил различия между людьми? Разве мы не рождаемся равными друг другу? Разве не у всех у нас то же тело, те же потребности, те же желания?.. Разве не одни и те же у всех у нас чувства, восприятие, ум, совесть?.. Разве жизненные потребности не являются общими для всех? Разве не все мы вдыхаем один и тот же воздух, не питаемся одинаково хлебом, не утоляем жажду из одних и тех же источников? Может ли быть, чтобы природа установила различия между людьми, населяющими землю?.. Может ли быть, чтобы она освещала и согревала теплыми лучами солнца одних, а других обрекала на вечный мрак?.. Разве роса, падающая с неба, для одних полезна, а для других пагубна? Разве не родятся все люди одинаково через девять месяцев после зачатия, будь то дети царей или дети рабов? Разве боги избавляют царицу от родовых мук, которые испытывает несчастная рабыня?.. Разве патриции наслаждаются бессмертием и умирают по-иному – не так, как плебеи?.. Разве тела великих мира сего не подвергаются тлену так же, как и тела рабов?.. Или, может быть, кости и прах богачей отличаются чем-либо от праха и костей бедняков?.. Кто же, кто установил это различие между одним человеком и другим, кто первый сказал: “Это – твое, а это – мое” – и присвоил себе права своего родного брата?.. Это, конечно, был насильник, который, пользуясь своей физической силой, придавил своим могучим кулаком выю слабого и угнетенного!..

Но если грубая сила послужила для совершения первой несправедливости, насильственного присвоения чужих прав и установления рабства, отчего же мы не можем воспользоваться своей силой для того, чтобы восстановить равенство, справедливость, свободу? И если мы проливаем пот на чужой земле, чтобы вырастить и прокормить наших сыновей, отчего же мы не можем проливать нашу кровь для того, чтобы освободить их и добиться для них прав?..»

Спартак остановился и, вздохнув, с глубоким удовлетворением закончил свои размышления:

«Да ну его!.. Что он сказал?.. Бессильный, малодушный, закосневший в рабстве, он совсем забыл, что он человек, и, подобно волу, бессознательно влачит тяжесть своего ярма, забыв о достоинстве и разуме!»

В эту минуту вернулся домоправитель и сказал Спартаку, что Валерия поднялась и ждет его в своих покоях.

С сильно бьющимся сердцем Спартак поспешил на зов; его ввели в конклав Валерии. Матрона сидела на маленьком диванчике. Спартак запер дверь изнутри, поднял забрало и бросился к ногам Валерии.

Не проронив ни звука, она обвила руками его шею, и уста их слились в горячем поцелуе; они словно застыли, прильнув друг к другу, безмолвные и неподвижные, охваченные безмерной радостью.

Наконец они освободились от объятий и, откинувшись назад, стали созерцать друг друга, бледные, взволнованные и

потрясенные.

Валерия была одета в белоснежную столу; ее черные густые волосы распустились по плечам, глаза сияли, и все же на ресницах дрожали крупные слезы. Она первая прервала молчание.

– О Спартак! Мой Спартак!.. Как я счастлива, как счастлива, что вижу тебя! – тихо произнесла она.

А затем опять обняла его и, целуя, говорила прерывающимся голосом:

– Как я боялась за тебя!.. Как я страдала!.. Сколько слез пролила, все думала об опасностях, которые угрожают тебе, и так за тебя боялась... Ведь только ты один владеешь всеми моими помыслами; каждое биение моего сердца, верь мне, посвящено одному тебе... ты первая и последняя... единственная... настоящая любовь в моей жизни!

И, продолжая ласкать его, она засыпала его бесчисленными вопросами:

– Скажи мне, мой дивный Аполлон, скажи мне, как ты решился явиться сюда?.. Ты, может быть, идешь со своим войском на Рим? Не грозит ли тебе какая-нибудь опасность, пока ты находишься тут? Ты расскажешь мне подробно о последнем сражении? Я слышала, что под Аквином ты разбил восемнадцать тысяч легионеров... Когда же окончится эта война, которая заставляет меня каждый час дрожать от страха за тебя? Ты ведь добьешься свободы? А тогда ты сможешь вернуться в свою Фракию, в счастливые края, где некогда

обитали боги...

Она умолкла, а потом продолжала еще более нежным и проникновенным голосом:

– Туда... последую за тобой и я... буду жить там вдали от всех, от этого шума, рядом с тобой... и буду всегда любить тебя, доблестного, как Марс, и прекрасного, как Апполон, я буду любить тебя всеми силами души, возлюбленный мой Спартак!

Гладиатор грустно улыбнулся: то были только прекрасные, несбыточные мечты, которыми влюбленная женщина старалась расцветить их будущее, и, лаская ее черные волосы, целуя ее в лоб и прижимая к своему сердцу, он тихо произнес:

– Война будет долгой и суровой... И я почти за счастье для себя, если мне удастся увести освобожденных рабов в их родные страны... А для того чтобы установить справедливость и равенство на земле, понадобится война народов, которые восстанут не только против Рима, властителя мира, но и против хищных волков, против ненасытных патрициев, против касты привилегированных в их собственных странах!

Эти последние слова гладиатор произнес с такой горечью и так печально покачал головой, что было ясно, как мало он верил в возможность дожить до победы великого начинания.

Поцелуями и ласками Валерия старалась успокоить вождя гладиаторов; ей удалось развеять печаль, омрачавшую его

чело.

Присутствие маленькой Постумии, ее милые шалости, улыбки, детское щебетание увеличивали их счастье. Милое личико девочки освещалось живым блеском больших черных глаз, которые так гармонировали с густыми белокурыми локонами, украшавшими ее головку.

Надвигались сумерки, и тихая печаль закралась в ту радость, что на краткие часы посетила уединенный конклав Валерии; вместе с солнечным светом из этого дома, казалось, уходило и счастье.

Спартак поведал своей любимой, как ему удалось пробраться к ней, и прибавил, что как предводитель восстания, которому до сих пор сопутствует счастье, он считает своим непреложным, священным долгом вернуться этой же ночью в Лабик, где его ждет отряд конницы.

Слова Спартака повергли Валерию в отчаяние; она не переставала твердить голосом, прерывающимся от рыданий, что ее сердце сжимается от тяжкого предчувствия; если она теперь отпустит Спартака, то больше никогда уж не увидит его, что она в последний раз слышит его голос, голос человека, пробудившего в ее душе истинное, глубокое чувство.

Спартак старался успокоить Валерию, осушить ее слезы, горячо целуя ее, шептал нежнейшие слова, ободрял и утешал, смеясь над ее предчувствиями и страхами. Но страх, по-видимому, закрался также и в сердце Спартака; улыбка его была вымученной, печальной; слова не шли с языка, в

них не было огня, не было жизни. Он чувствовал, как, помимо его воли, им овладевают мрачные мысли и в душу закрадывается уныние, от которого он никак не может освободиться.

В таком состоянии оба пребывали до того мгновения, когда вода, капавшая в стеклянный шар клепсидры⁷, стоявшей на поставце у стены, не поднялась до шестой черты, обозначавшей шестой час утра. Тогда Спартак, который часто тайком от Валерии поглядывал на клепсидру, освободился из объятий возлюбленной и стал надевать латы, шлем и меч.

Дочь Мессалы, нежно обвив руками шею Спартака, прижалась бледным лицом к его груди, подняв на гладиатора свои блестящие черные глаза, выразившие глубокую нежность. В этот миг она была так прекрасна, что превосходила красотой греческих богинь. Дрожащим голосом, подавленной горем, она говорила:

– Нет, Спартак, нет, нет... не уезжай, не уезжай... ради всех твоих богов... ради дорогих твоему сердцу... умоляю тебя... заклинаю... Дело гладиаторов на верном пути... у них храбрые военачальники... Крикс... Граник... Эномай... Они поведут их, не ты... нет... нет!.. Спартак, ты останешься здесь... моя нежность... безграничная преданность... безмерная любовь... окружат лаской... радостью... твоё существование...

⁷ Клепсидра – употреблявшиеся в древности водяные часы, устроенные наподобие песочных.

– Валерия, дорогая Валерия... ты не можешь желать, чтобы я сделал подлость... чтобы я совершил позорный поступок, – говорил Спартак, стараясь высвободиться из объятий любимой подруги. – Я не могу... не могу... не имею права... Да разве я могу изменить тем, кого я призвал к оружию... тем, кто доверился мне... кто ждет меня... кто зовет меня к себе?.. Валерия, я боготворю тебя, но не могу изменить своим товарищам по несчастью... Не требуй от меня, чтобы я стал недостойным тебя... не вынуждай меня стать существом презренным в глазах людей и самого себя... Не старайся властью своих чар лишить меня мужества, лучше поддержи меня... подними мой дух... отпусти... отпусти меня, любимая моя Валерия!

Валерия в отчаянии прильнула к возлюбленному, а он старался освободиться из ее объятий. В конклаве слышались то звуки поцелуев, то слова горячей мольбы.

Наконец Спартак, бледный, с набегаящими на глаза слезами, призвав на помощь свое мужество и пересиливая самого себя, разжал руки Валерии, отнес ее, обессиленную от горя, на ложе; она, закрыв лицо руками, разразилась громкими рыданиями.

Тем временем фракиец, бессвязно бормоча слова надежды и утешения, надел латы, шлем и опоясался мечом, собираясь проститься и в последний раз поцеловать любимую женщину. Но когда он уже был готов покинуть ее, Валерия вдруг порывисто поднялась и, сделав шаг, в отчаянии упала

у двери; обняв колени своего возлюбленного, она шептала, задыхаясь от рыданий:

– Спартак, дорогой Спартак... я чувствую вот здесь, – и она указывала на свое сердце, – что я больше не увижу тебя... Если уедешь, то больше не увидишь меня... я знаю это... я это чувствую... Не уезжай... нет... не сегодня... не сегодня... умоляю тебя... ты уедешь завтра... но не сегодня... нет... заклинаю тебя... не сегодня... не сегодня... молю тебя!

– Я не могу, я не могу... я должен ехать.

– Спартак... Спартак, – говорила она слабеющим голосом, с мольбой простирая к нему руки, – умоляю тебя... ради нашей дочери... ради до...

Она не успела договорить – фракиец поднял ее с пола, судорожно прижал к груди, прервав ее речь и рыдания.

Несколько мгновений они не двигались, прижавшись друг к другу, слышно было только их дыхание, слившееся воедино.

Овладев собой, Спартак тихим и нежным голосом сказал Валерии:

– Валерия, дивная Валерия!.. В моем сердце я воздвиг тебе алтарь, ты – единственная богиня, которой я поклоняюсь, перед которой благоговею. В минуты самой грозной опасности ты внушаешь мне мужество и стойкость, мысли о тебе вызывают у меня благородные помыслы и вдохновляют меня на великие дела. Так неужели ты хочешь, Валерия, чтобы я

обесчестил себя, чтобы меня презирали и современники и потомство!

– Нет, нет... я не хочу твоего бесчестия... хочу, чтобы имя твое было великим и славным, – шептала она, – но ведь я только бедная женщина... пожалей меня... уезжай завтра... не сегодня... не сейчас... не так скоро...

Бледное, заплаканное лицо ее покоилось на груди Спартак; печально и нежно улыбнувшись, она прошептала:

– Не отнимай у меня этого изголовья... Мне здесь так хорошо... так хорошо!

И она закрыла глаза, как бы желая еще больше насладиться прекрасным мгновением; по ее лицу блуждала улыбка, но оно походило скорее на лицо умершей, чем живой женщины.

Склонившись к Валерии, Спартак смотрел на нее взглядом, полным глубокого сострадания, нежности, любви, и голубые глаза великого полководца, презиравшего опасности и смерть, наполнились сейчас слезами; они катились по его лицу, падали на латы... Валерия, не открывая глаз, шептала:

– Смотри, смотри на меня, Спартак... вот так, с нежностью... с любовью... Я ведь вижу, даже не открывая глаз... я вижу тебя... Какое ясное чело... какие глаза, сияющие и добрые! О мой Спартак, как ты прекрасен!

Так прошло еще несколько минут. Но стоило только Спартаку сделать легкое движение – он хотел поднять Валерию и отнести ее на ложе, – как она, не открывая глаз, еще сильнее обвив руками шею гладиатора, прошептала:

– Нет... нет... не двигайся!..

– Мне пора. Прощай, моя Валерия!.. – шептал ей на ухо дрожащим от волнения голосом бедный рудиарий.

– Нет, нет!.. Подожди!.. – произнесла Валерия, испуганно открывая глаза.

Спартак не ответил ей. Взяв в руки ее голову, он покрывал горячими поцелуями ее лоб; а она, ласкаясь к нему, как ребенок, говорила:

– Ведь ты не уедешь этой ночью?.. Ты уедешь завтра... Ночью... в поле так пустынно; ты ведь знаешь, так темно... такая мрачная тишина... так страшно ехать ночью... когда я подумаю об этом, меня охватывает озноб... я вся дрожу...

Бедная женщина действительно задрожала всем телом и теснее прижалась к возлюбленному.

– Завтра!.. На рассвете!.. Когда взойдет солнце и вся природа начнет оживать... на тысячу ладов весело запоют птицы... после того, как ты обнимешь меня... после того, как покроешь поцелуями головку Постумии... после того, как наденешь на шею под тунику вот эту цепочку с медальоном...

И она показала ему осыпанный драгоценными камнями медальон, который на тоненькой золотой цепочке висел на ее белой шее.

– Внутри этого медальона, Спартак, находится драгоценный амулет, который спасет тебя от любой опасности... Угадай же, угадай, что там внутри, что это за амулет.

И так как гладиатор не отвечал, а только смотрел не отрываясь на красавицу, она, улыбнувшись сквозь слезы, произнесла с нежным укором:

– Неблагодарный! Ты не догадываешься, что там может быть?

Сняв с шеи цепочку и открыв медальон, Валерия сказала:

– В нем черный локон матери и белокурый локон дочери!

И показала рудиарию две прядки волос внутри медальона. Спартак схватил его, поднес к губам и покрыл горячими поцелуями.

Взяв медальон у Спартака, Валерия в свою очередь поцеловала его и, надев цепочку на шею гладиатора, сказала:

– Носи его под панцирем, под туникой, на груди – вот где он должен быть!

У Спартака сердце щемило от невыносимой тоски, говорить он не мог, только прижимал к груди свою любимую, и крупные слезы тихо катились по его лицу.

Вдруг послышался звон оружия и чьи-то громкие голоса; этот шум, раздававшийся на площадке перед виллой, достиг уединенного конклава, где находились Спартак и Валерия.

Оба они, сдерживая дыхание, напрягли слух.

– Мы не откроем ворот таким разбойникам, как вы! – кричал кто-то на ломаном латинском языке.

– А мы подожжем дом, – слышались озлобленные голоса.

– Клянусь Кастором Поллуксом, мы будем метать в вас стрелы! – отвечал первый голос.

– Что? Что там могло случиться?.. – в сильном волнении спросила Валерия, подняв испуганные глаза на Спартака.

– Может быть, разузнали, что я здесь, – ответил фракиец, стараясь освободиться из объятий Валерии, которая при первой же угрозе еще теснее прижалась к Спартаку.

– Не выходи... не двигайся... умоляю... Спартак... умоляю!.. – взволнованно шептала несчастная женщина, и на мертвенно-бледном лице ее отражались мучительный страх и тревога.

– Значит, ты хочешь, чтобы я отдался живым в руки врагов?.. – произнес тихим, но гневным голосом вождь гладиаторов. – Ты хочешь видеть меня распятым на кресте?..

– О нет, нет!.. Клянусь всеми богами ада!.. – в ужасе вскрикнула Валерия и, выпустив из объятий возлюбленного, отступила от него в смятении.

Решительным движением она выхватила из ножен тяжелый испанский меч, висевший у Спартака на поясе, и, с трудом подняв его двумя руками, подала гладиатору, сказав чуть слышно и стараясь придать своему голосу твердость:

– Спасайся, если это возможно... а если суждено тебе умереть – умри с мечом в руке!

– Благодарю тебя!.. Благодарю, моя Валерия! – сказал Спартак, приняв от нее меч; глаза его сверкали, он шагнул к дверям.

– Прощай, Спартак! – произнесла дрожащим голосом бедная женщина, обняв гладиатора.

– Прощай! – ответил он, сжав ее в объятиях.

Но губы Валерии вдруг побелели, и рудиарий почувствовал, что ее тело как мертвое повисло у него на руках, а голова бессильно упала на его плечо.

– Валерия!.. Валерия!.. Дорогая Валерия!.. – восклицал фракиец прерывающимся голосом и с невыразимой тревогой всматривался в любимую женщину. Лицо его, еще недавно пылавшее гневом, теперь покрылось восковой бледностью. – Что с тобой?.. Да поможет нам Юнона!.. Валерия... Красавица моя, что с тобой? Мужайся? Умоляю тебя!

Бросив на пол меч, он поднял любимую, осторожно отнес на ложе и, став перед ней на колени, ласкал, ободрял, согревал ее своим дыханием и поцелуями.

Валерия лежала неподвижная, бесчувственная ко всем его словам, как будто не обморок, а смерть поразила ее. Страшная мысль пронизала мозг Спартака. Быстро вскочив, он всматривался в лицо любимой расширившимися от страха глазами. Бледная, недвижимая, она была еще прекраснее; дрожа всем телом, он глядел на ее бледные уста, стараясь уловить признаки дыхания; приложив руку к ее груди, он почувствовал, что сердце медленно и слабо бьется. Вздохнув с облегчением, Спартак бросился к маленькой двери, которая вела в другие покои Валерии, и, подняв занавес, крикнул несколько раз:

– Софрония!.. Софрония!.. Скорее сюда!.. Софрония!

В эту минуту послышался осторожный стук в дверь, в ко-

торуя он собирался выйти. Спартак прислушался: сильный шум и крики, долетавшие снаружи, прекратились, но тотчас же снова раздался стук и мужской голос произнес:

– Великодушная Валерия!.. Госпожа моя!

В мгновение ока Спартак поднял меч и, слегка приоткрыв дверь, спросил:

– Что тебе нужно?

– Пятьдесят всадников... сюда... прискакали... – ответил, дрожа и заикаясь, старик домоправитель; глаза у него, казалось, готовы были выскочить из орбит; при свете факела, дрожавшего в его руках, он разглядывал Спартака. – Они говорят... и кричат... требуют, чтобы им вернули... их... вождя... и уверяют, что ты Спартак!..

– Иди и передай, что через минуту я выйду к ним.

И фракиец захлопнул дверь перед самым носом старого домоправителя, превратившегося в статую от удивления и ужаса.

Когда Спартак подошел к ложу, на котором все так же неподвижно лежала Валерия, в другую дверь вошла рабыня.

– Ступай принеси эссенции, – сказал ей Спартак, – и приведи еще одну рабыню, чтобы оказать помощь твоей госпоже, она в обмороке.

– О моя добрейшая, о моя бедная госпожа! – запричитала рабыня, всплеснув руками.

– Скорее! Беги и не болтай! – прикрикнул на нее Спартак.

Софрония убежала и вскоре вернулась с двумя другими

рабынями; они принесли всевозможные крепкие, ароматные эссенции. Рабыни окружили лежавшую в обмороке Валерию нежными заботами, и несколько минут спустя на ее бледном лице выступил легкий румянец, а дыхание стало более ровным и глубоким.

Спартак все время стоял неподвижно, скрестив на груди руки, и не отрываясь смотрел на возлюбленную. Увидев, что к ней возвращается жизнь, он глубоко вздохнул и поднял к небу глаза, как бы желая возблагодарить богов; потом, отпустив рабынь, он стал на колени, поцеловал белую руку Валерии, бессильно свисавшую с дивана, поднялся, запечатлел долгий поцелуй на ее лбу и быстро вышел из конклава.

В одну минуту он добежал до площадки, где расположились пятьдесят конников, державших лошадей в поводу.

– Ну? – спросил он строгим голосом. – Что вы тут делаете? Что вам нужно?

– По приказу начальника Мамилия, – отвечал командовавший отрядом декурион, – мы в отдалении следовали за тобой, боясь...

– На коней! – крикнул Спартак.

В один миг все пятьдесят всадников, ухватившись левой рукой за гривы лошадей, вскочили на своих скакунов, покрытых простыми чепраками.

Немногочисленные рабы, оставшиеся на вилле, преимущественно старики, в страхе молча столпились у входа; факелы в их руках освещали эту сцену. Спартак повернулся к

ним и приказал:

– Приведите моего коня!

Трое или четверо рабов поспешили в соседние конюшни, вывели оттуда вороного и подвели к Спартаку. Он вскочил на коня и, обращаясь к старому домоправителю, спросил:

– Как зовут твоих сыновей?

– О великий Спартак, – со слезами в голосе ответил старик, – не наказывай моих детей за необдуманные слова, сказанные мною вчера утром!

– Низкая, рабская душа! – воскликнул в негодовании Спартак. – Ты, стало быть, считаешь меня таким же подлым трусом, как ты? Если я спросил, как зовут доблестных юношей, отцом которых ты не достоин быть, то лишь для того, чтобы позаботиться о них!

– Прости меня, славный Спартак... Аквиллий и Атилиий – вот как зовут их... сыновья Либедия... Позаботься о них, о великий военачальник, и да покровительствуют тебе боги и Юпитер!..

– В ад низких льстецов! – вскричал гладиатор. И, прищипнув коня, приказал своим конникам: – Галопом марш!

И весь отряд, следуя за Спартаком, пустил коней галопом по дорожке, которая вела к воротам виллы.

Старые слуги Мессалы стояли на площадке, словно онемев. Они пришли в себя только через несколько минут, когда цокот копыт, становившийся все глуше и глуше, наконец совсем затих вдалеке.

Невозможно описать горе Валерии, ее отчаяние и слезы, когда она благодаря заботам рабынь пришла в себя и узнала об отъезде Спартака.

Спартак же замкнулся в себе; на лице его отражались только что пережитые страдания, морщины перерезали лоб, и он все прищипоривал коня, как будто хотел унести прочь от терзавшей его тревоги и горя, гнавшего за ним. И конь его несся как вихрь, опередив почти на расстояние двух выстрелов из лука весь отряд, скакавший во весь опор.

Спартак думал о Валерии, о том, как будет она горевать и лить слезы, когда придет в себя. Невольным судорожным движением он снова прищипорил коня, и тот мчался, распутив по ветру гриву, тяжело дыша и раздувая ноздри, из которых валил пар.

Образ Валерии неотступно стоял перед глазами Спартака, он пытался отогнать его, но тогда перед ним возникало личико Постумии, прелестной белокурой девочки, живой, смысленной, которая во всем, кроме черных глаз, унаследованных от матери, была точной копией отца. Какая она очаровательная! И такая ласковая! Такая милая! Вот она тут, перед ним, весело протягивает к нему свои пухлые ручонки... И Спартак с тоскою думал, что, может быть, никогда больше не увидит ее. И снова безотчетно вонзал шпоры в окровавленные бока своего злосчастного скакуна.

Неизвестно, что случилось бы с конем и всадником, если бы, к счастью для обоих, в голову Спартаку не пришли другие

мысли.

А вдруг Валерия так и не очнулась? Или, быть может, при вести о его неожиданном отъезде ее опять сразил обморок, еще более продолжительный и опасный, чем первый? А может быть, она больна, и больна серьезно? А вдруг – но это невероятно, этого не может, не должно быть – любимая женщина, к величайшему несчастью...

При этой мысли он изо всей силы стиснул коленями бока лошади, сильно дернул повод и сразу остановил благородное животное.

Вскоре Спартака догнали его товарищи и остановились позади него.

– Мне нужно вернуться на виллу Мессалы, – мрачно произнес Спартак, – а вы следуйте в Лабик.

– Нет!..

– Ни за что! – ответили в один голос конники.

– Почему же? Кто может мне это запретить?

– Мы! – раздались голоса.

– Наша любовь к тебе! – крикнул кто-то.

– Твоя честь! – добавил третий.

– Твои клятвы! – вскричали другие.

– Наше дело, которое без тебя погибнет!

– Долг! Твой долг!

Послышался ропот, нестройные возгласы, почти единодушные просьбы.

– Но вы не понимаете, клянусь всемогуществом Юпите-

ра, что там осталась женщина, которую я боготворю. Быть может, она сейчас умирает от горя... и я не могу...

– Если, к несчастью, – да не допустят этого боги! – она умерла, ты себя погубишь, а ее не спасешь; если же твои опасения напрасны, то для твоего и ее спокойствия достаточно будет послать туда гонца, – сказал декурион, и в голосе его звучали уважение к горю Спартака и трогательная преданность.

– Стало быть, чтобы избежать опасности, которая может угрожать мне, я вместо себя подвергну ей другого? Нет, призываю в свидетели всех богов Олимпа, никто не скажет, что я способен на такую низость!

– Я, ничем не рискуя, вернусь на виллу Мессалы, – громко и решительно произнес один из конников.

– Каким образом? Кто ты?

– Я один из преданных тебе людей и готов отдать за тебя жизнь, – отвечал конник, подъехав на своем скакуне к Спартаку. – Я не рискую ничем, потому что я латинянин, хорошо знаю эти края и язык страны. В первой же крестьянской хижине я переоденусь в крестьянское платье и отправлюсь на виллу Валерии Мессалы. Прежде чем ты доедешь до Нолы, я привезу тебе самые подробные вести о Валерии.

– Если я не ошибаюсь, – сказал Спартак, – ты свободно-рожденный Рутилий.

– Да, – ответил всадник, – я Рутилий. Я рад и горжусь, Спартак, что ты, прославленный наш военачальник, узнал

меня среди десяти тысяч гладиаторов!

Рутилий был храбрый и благоразумный юноша: на него можно было положиться, и поэтому Спартак уступил просьбам своих солдат и согласился на предложение латинянина. Продолжая путь во главе отряда, фракиец вскоре очутился у небольшой виллы. Пока Рутилий переодевался, Спартак на дощечке, которую дал ему владелец виллы, написал по-гречески нежное письмо Валерии и передал его юноше. Рутилий пообещал отдать письмо Валерии в собственные руки.

Немного успокоившись, Спартак пустил своего коня рысью и в сопровождении гладиаторов поскакал по дороге, которая вела из Тускула в Лабик.

На рассвете они прибыли туда, где их с нетерпением ждал Мамилий с двумястами пятьюдесятью всадниками. Начальник отряда конницы доложил вождю, что жители были сильно напуганы набегом на Лабик, поэтому он считает более благоразумным, не дожидаясь наступления вечера, немедленно покинуть эти места и ускоренным маршем идти к Аквину.

Спартак согласился с разумными доводами Мамилия. Не теряя времени, отряд выступил из маленького лагеря у Лабика и поскакал по преторской дороге к Пренесте. Город остался по левую руку, а конники повернули направо и выехали на Латинскую дорогу. Они мчались весь день и всю следующую ночь и только на рассвете, совсем загнав своих лошадей, прибыли в Алетрий, где Спартак велел отряду сделать

привал и отдыхать весь день.

На следующую ночь он направился быстрым маршем в Ферентин, прибыл туда через два часа после восхода солнца и тотчас двинулся дальше, в Фрегеллы, так как узнал от римских легионеров, дезертировавших в лагерь гладиаторов из войска Вариния, стоявшего в Норбе, что многие из жителей Лабика приходили к Варинию и рассказывали ему об отряде гладиаторских конников, замеченном около Тускула. Тогда претор разделил свою кавалерию на два отряда, по пятьсот человек в каждом; один отправил в погоню за врагом до самого Тускула, а другой с минуты на минуту мог появиться в Ферентине, куда его направил Вариний для того, чтобы преградить дорогу гладиаторам, возвращавшимся после набега, и отрезать им путь к спасению, лишив их возможности вернуться в аквинский лагерь.

Спартак немедленно оставил Ферентин и не дал отдыха своим конникам до тех пор, пока они не добрались до Фрегелл; оттуда в полночь он двинулся в Аквин, куда прибыл на рассвете.

Вечером приехал Рутилий и привез фракийцу утешительные вести о здоровье Валерии, а также письмо от нее, очень нежное, хотя и полное упреков, в ответ на несколько страстных строк Спартака.

В письме Валерия сообщала возлюбленному, что теперь она будет посылать ему в лагерь письма через Либедия, старика домоправителя, и настойчиво просила, чтобы Спартак

писал ей и пересылал письма тем же путем. Что касается Либедия, то он всегда готов был с радостью исполнить любое желание своей госпожи, и нетрудно себе представить, с каким восторгом он принял предложение ездить в лагерь гладиаторов, где он будет иметь возможность повидать и обнять своих сыновей.

На следующий день, посоветовавшись с Эномаем, Бортониксом и другими начальниками легионов, Спартак, как это было решено раньше, оставил Аквин и во главе двадцати тысяч гладиаторов направился в Нолу, куда прибыл после пятидневного перехода. Трудно описать, с какой радостью двадцать пять тысяч гладиаторов стоявших лагерем под Нолой, встретили своих братьев, покрывших себя славою побед в сражении под Аквином.

В продолжение трех дней весь лагерь в Ноле пел и веселился. Совет военных руководителей Союза угнетенных решил оставить здесь армию гладиаторов на зиму, зная, что с наступлением холодов, дождей и снегопада можно не опасаться Вариния, даже если бы войско у него было многочисленнее и сильнее и не пришло бы в расстройство после поражения под Аквином. Но гладиаторы понимали также, что было бы безумием мечтать о походе на Рим, против которого даже в дни поражения при Каннах, когда Рим был в полном упадке, а карфагеняне действовали в более благоприятных условиях, чем теперь гладиаторы, ничего не мог сделать сам Ганнибал, величайший полководец того времени. Спар-

так ставил его много выше Кира и Александра Македонского.

Гладиаторы покинули прежний лагерь и разбили новый, более обширный, с глубокими рвами и высоким частоколом.

Как только гладиаторы расположились в своем новом лагере, Спартак решил произвести давно уже задуманную им реорганизацию своих легионов: сформировать их по племенному признаку, то есть распределить гладиаторов с таким расчетом, чтобы одни легионы состояли только из германцев, другие – только из галлов, третьи – из фракийцев, греков или самнитов. Хотя этот новый порядок представлял некоторые неудобства, так как мог вызывать соперничество и распри между отдельными легионами, но он имел и огромное преимущество – более тесную сплоченность воинов каждого легиона. Вождь гладиаторов преследовал при этом и другую, не менее важную цель: разбив свое войско на отдельные корпуса по национальностям, он хотел, чтобы во главе каждого корпуса стоял военачальник той же национальности, чтобы солдаты больше доверяли ему.

Ежедневно в лагерь прибывали все новые группы гладиаторов, и войско восставших уже насчитывало пятьдесят тысяч человек. Спартак сформировал из них десять легионов, по пяти тысяч человек в каждом, подразделив свою армию следующим образом: два первых легиона, состоявших из германцев и подчиненных Вильмиру и Мероведу, образовали первый корпус под началом Эномая; третий, четвер-

тый, пятый и шестой легионы, в состав которых входили галлы, подчиненные Арториксу, Борториксу, Арвинию и Брезовиру, образовали второй корпус, во главе которого был поставлен Крикс; седьмой легион, состоявший из греков, возглавлял храбрый Фессалоний, родом из Эпира; начальником восьмого легиона, состоявшего из гладиаторов и пастухов-самнитов, был назначен латинянин Рутилий; в девятом и десятом легионах были собраны фракийцы, и командование над ними Спартак поручил двум начальникам, их соотечественникам, отличавшимся мужеством, большой силой воли, образованностью и острым умом. Один из них, начальник девятого легиона, пятидесятилетний Мессембрий, был беспредельно предан Спартаку, исполнительен и усерден; десятый легион возглавлял юный Артак, которого фракийцы считали самым отважным гладиатором после Спартака. Эти последние четыре легиона образовали третий корпус под началом Граника, родом из Иллирии; этот тридцатипятилетний иллириец, высокий, смуглый и черноволосый красавец, всегда был серьезен, спокоен, молчалив и пользовался славой храбрейшего из десяти тысяч гладиаторов равенских школ.

Конницу, насчитывавшую до трех тысяч всадников, Спартак разбил на шесть отрядов. Командование ею он поручил Мамилию. Верховным военачальником под единодушные восторженные клики пятидесяти трех тысяч гладиаторов был снова избран Спартак, доказавший свою доблесть и

полководческое искусство.

Через неделю после такого переустройства армии фракийец решил произвести смотр своему войску.

Когда Спартак, в обычных своих доспехах, верхом на коне под скромным чепраком, с простой уздечкой и поводьями, показался на равнине, где три корпуса были построены в три линии, из груди пятидесяти трех тысяч гладиаторов вырвалось единодушное приветствие, подобное раскатам грома:

– Слава Спартаку!..

Возглас этот гремел многократно с неистовой силой; когда же стихли приветственные клики и отзвучал исполненный на фанфарах гимн свободы, который стал боевым гимном гладиаторов, появился Эномай на высоком гнедом апулийском коне и, остановившись перед первой линией войск, крикнул громовым голосом:

– Гладиаторы! Слушайте меня!

Во всех рядах воцарилась глубокая тишина. Германец, сделав краткую паузу, сказал:

– Если наша армия во всем, до самых мелочей, создана по римскому образцу, отчего же наш верховный вождь не имеет ни знаков отличия, ни почестей, которые воздают римским консулам в их войсках?

– Императорские знаки отличия Спартаку! – вскричал Крикс.

– Императорские знаки отличия Спартаку! – в один голос воскликнули все пятьдесят три тысячи воинов.

Наконец шум утих, и Спартак, лицо которого побледнело от сильного волнения, подал знак, что хочет говорить.

– От всего сердца благодарю вас, мои соратники и дорогие мои братья по несчастью, – сказал он, – но я решительно отказываюсь от знаков отличия и почестей. Мы взялись за мечи не для того, чтобы утверждать чье-то превосходство, устанавливать преимущества и почести, а для того, чтобы завоевать свободу, права и равенство.

– Ты наш император, – вскричал Рутилий, – ты стал императором благодаря своей мудрости, своей храбрости, своим достоинствам и необычайным качествам своей души и своего ума; ты наш император, в это звание тебя возвели твои победы; ты наш император – таково наше единодушное желание. Если ты отказываешься от почестей, то мы требуем, чтобы почести эти были оказаны нам, нашим знаменам, во имя этого ты должен надеть палудамент, тебя должны сопровождать контуберналы и ликторы.

– Палудамент Спартаку! – требовали гладиаторы.

– Контуберналов и ликторов! – воскликнул Эномай, а за ним все легионы.

И через минуту Крикс воскликнул своим мощным голосом:

– Пусть римские ликторы, которых он взял в плен под Аквином, шествуют впереди него с фасциями!

Требование это вызвало такой неистовый взрыв восторга и гром рукоплесканий, что, казалось, от них заколебалась

земля, и тысячеголосый этот гул еще долго повторяло эхо в далеких горах.

И действительно, эта мысль, естественно зародившаяся у бесхитростного Крикса, была так велика в своей простоте, что справедливо вызвала всеобщий энтузиазм. Заставить римских ликторов, ранее шествовавших впереди самых знаменитых римских консулов, таких как Гай Марий и Луций Сулла, идти впереди презренного в глазах римлян гладиатора было не только унижением римской гордыни, не только признанием человеческого достоинства за бедными рабами, – это знаменовало собою самую блестящую из всех побед, одержанную гладиаторами над гордыми легионами надменных завоевателей мира. И хотя Спартак, всегда скромный⁸, всегда верный самому себе как в дни несчастья, так и в дни своих побед и величия, противился желаниям своих легионов, ему, однако, пришлось покориться их решению и надеть на себя дорогой блестящий панцирь из серебра, специально заказанный Криксом знаменитому мастеру в Помпее, серебряный шлем тонкой работы и испанский меч, золотая рукоять которого была осыпана драгоценными камнями, и

⁸ Действительно, у этого необыкновенного человека душа была настолько благородной и чистой, что могущество, которого он достиг, ни на одно мгновение не помрачило его рассудка и не заставило разыграться воображение. Спартака не ослепляли и не опьяняли ни победы, ни фимиами почестей. У Плутарха определенно сказано (в «Жизнеописании Марка Красса»), что, несмотря на одержанные им победы, он всегда оставался скромным и умеренным в своих желаниях. (Примеч. авт.)

набросить на плечо пурпурный плащ из тончайшей шерсти, с золотой каймой шириною в три пальца.

Когда вождь гладиаторов облекся в императорское одеяние и появился перед войском верхом на своем вороном коне, у которого простую кожаную сбрую заменили красивыми поводьями и серебряной уздечкой и покрыли его чудесным голубым чепраком с серебряной оторочкой, раздался взрыв рукоплесканий, и все гладиаторы в один голос воскликнули: – Приветствуем тебя, Спартак – император!

Две присутствовавшие при этом женщины плакали. Но слезы были не только на глазах женщин – у Спартака, у Арторикса, у тысяч гладиаторов увлажнились глаза от пережитого волнения. Две женщины пристально, не отрываясь смотрели на фракийца, и несказанную любовь выражали их взгляды, обращенные на вождя этих бесстрашных воинов. То были Мирца и Эвтибида.

Сестра гладиатора смотрела на него своими голубыми спокойными, ясными глазами, и в этом взгляде отразилась вся чистота ее любви к брату; гречанка же впилась в него своими мрачными, сверкающими глазами – ее взгляд горел огнем страсти.

Но вот перед Спартаком появились шесть ликторов претора Публия Вариния, плененные в сражении под Аквином; их держали под стражей в особой палатке. Декан подвел ликторов к Спартаку – отныне они будут шествовать с фасциями впереди него всякий раз, когда верховный вождь будет

выходить пешком или выезжать на коне; такой же почет оказывали только римским консулам и преторам.

Все шесть ликторов были высокого роста, носили длинные волосы и отличались воинственной, полной достоинства осанкой. Поверх панцирей на них были короткие плащи из грубой шерсти, скреплявшиеся пряжкой на левом плече и доходившие до колен; в левой руке каждый держал, прижав к плечу, пучок фасций, в которые во время войны вкладывался топорик, а в правой руке нес розгу. При виде ликторов у гладиаторов вырвался крик дикой радости; он становился все громче и, не смолкая, длился до тех пор, пока Спартак не приказал трубачам призвать легионы к порядку и спокойствию.

Вождь гладиаторов сошел с коня и с ликторами впереди, в сопровождении Крикса, Граника и Эномая стал обходить фронт двух германских легионов, образовавших первый корпус. Закончив смотр первой линии воинов, Спартак похвалил их за бережное хранение оружия, за точное соблюдение распорядка и боевую выправку.

Ликторы смиренно шли, опустив голову, но лица их то бледнели, то краснели от стыда и еле сдерживаемого гнева.

– Какой позор!.. Какой позор!.. – восклицал один из них дрожащим голосом, но так тихо, что расслышать эти слова мог только его сотоварищ, шагавший рядом с ним.

– Лучше бы мне умереть под Аквином, чем пережить такой позор! – отозвался тот.

Первый из ликторов был человек лет сорока пяти, рослый, крупного сложения, лицо у него было загорелое, вид решительный; звали его Оттацилий; другой был седовласый старик, лет шестидесяти, высокий, сухощавый, с худым и строгим лицом, лоб его пересекал широкий шрам, нос был с горбинкой, во взгляде серых живых глаз, как и во всем его облике, чувствовалась мужественная энергия; его звали Симплициан.

Когда ликторы, вынужденные шествовать перед Спартакком, решились бросить взгляд на легионы гладиаторов, свидетелей их унижения, они увидели на лицах своих врагов радость, а на устах – торжествующую улыбку победителей, попирающих достоинство побежденного.

– Повергнуто в прах величие Рима! – прошептал Оттацилий после долгого молчания, украдкой обратив к Симплициану лицо, по которому катились слезы.

– Боги, покровители Рима, скоро избавят меня от такой муки, – мрачно ответил старик Симплициан. Но нервные подергивания его сурового лица ясно говорили о его душевных страданиях.

За три часа Спартак обошел фронт всех своих легионов. Он поднимал дух своих воинов, хвалил их, говорил о необходимости соблюдать самую строгую дисциплину – основу каждой армии и залог желанной победы.

Закончив смотреть, он вскочил на коня и, вынув меч из ножен, подал знак; фанфары протрубили сигнал. По прика-

зу Спартака легионы гладиаторов с безукоризненной точностью выполнили несколько упражнений, потом три корпуса поочередно пошли в атаку — сначала беглым шагом, затем в едином неудержимом натиске, оглашая воздух воинственным кличем «барра», напоминавшим рев слона. Как только закончилась учебная атака третьей линии, легионы построились на холме, а затем продефилировали в образцовом порядке перед верховным вождем, вновь с энтузиазмом приветствуя его как своего императора, и возвратились один за другим в лагерь.

Спартак вступил туда последним; его сопровождали Эномай, Крикс, Граник и все остальные начальники легионов; ликторы все так же шествовали впереди.

При сооружении нового лагеря гладиаторы втайне от Спартака разбили для него палатку, достойную вождя. В столь торжественный для восставших день решено было устроить в этой палатке чествование Спартака; на празднестве должны были присутствовать десять начальников легионов, три помощника вождя и начальник конницы.

Чествование должно было быть скромным, чтобы не вызвать неудовольствия Спартака, который всю жизнь, с самых юных лет, был умерен в пище и воздержан в питье и до сих пор чуждался шумных и пышных пиров, но не из-за того, что хотел поддержать свою славу знаменитого полководца, а просто потому, что по своему характеру и привычкам не был расположен к кутежам и бражничеству.

Приглашенные воздержались поэтому от обильных яств и чрезмерных возлияний, хотя это шло вразрез с аппетитами большинства гостей, – Эномай, Борторикс, Вильмир, Брезовир, Рутилий и многие другие охотно попиروвали бы без всяких запретов. Однако за столом царило сердечное, дружеское веселье, шла искренняя и душевная беседа.

В конце трапезы поднялся Рутилий, держа в руке чашу пенящегося цекубского вина. Приглашая товарищей последовать его примеру, он высоко поднял чашу и громко воскликнул:

– За свободу рабов, за победу угнетенных, за храбрейшего и непобедимого императора нашего – Спартака!

И он осушил чашу до дна под рукоплескания и возгласы товарищей, следовавших его примеру; один только Спартак едва пригубил вино.

Когда утих шум рукоплесканий, Спартак тоже высоко поднял чашу и выразительным, сильным голосом произнес:

– В честь Юпитера Освободителя! За чистую, непорочную богиню Свободы! Да обратит она на нас свои божественные очи, да просветит нас и окажет нам покровительство. Пусть будет она нашей заступницей перед всеми богами, обитающими на Олимпе!

Хотя галлы и германцы не верили ни в Юпитера, ни в других греческих и римских богов, они все же осушили свои чаши. Эномай произнес тост, испрашивая помощи Одина, а Крикс – благоволения Геза к войску и святому делу гла-

диаторов. Наконец уроженец Эпира, Фессалоний, который был эпикурейцем и не верил ни в каких богов, поднявшись в свою очередь, сказал:

— Я отношусь к вашим верованиям с уважением... и зави-
дую вам... Но не разделяю их, потому что боги — это вымы-
сел, порожденный страхом черни, — так гласит учение боже-
ственного Эпикура. Когда нас постигают великие невзгоды,
неплохо прибегнуть к вере в сверхъестественную силу и чер-
пать в этой вере бодрость и утешение!.. Но когда вы убедитесь,
что природа сама все творит и уничтожает, во всем об-
ходясь только своими собственными силами, не всегда нам
известными, то разве возможно верить в так называемых бо-
гов? Разрешите же мне, друзья, восславить наше святое де-
ло, согласно с моими представлениями и убеждениями.

И, помолчав с минуту, он сказал:

— За содружество душ, за неустрашимость сердец, за мощь
мечей в лагере гладиаторов!

Все присоединились к тосту эпикурейца и осушили свои чаши; затем снова сели, продолжая веселую, оживленную беседу.

Мирца распоряжалась приготовлениями к празднеству, но с гостями не садилась. Она стояла в стороне, закутавшись в пеплум из голубой полотняной ткани с узкими серебряными полосками, и не сводила любящего, полного нежности взгляда со Спартака, славные победы которого праздновались в этот день. Ее бледное и обычно печальное лицо, на

котором скорее можно было увидеть слезы, чем улыбку, в тот день светилось искренней радостью; но нетрудно было понять, что счастье ее мимолетно и что она скрывает какую-то тайную боль и страдания.

Арторикс не спускал с Мирцы влюбленных глаз. Казалось, он преследовал ее своими нежными взглядами; она украдкой, как будто против воли, время от времени поднимала глаза на достойного юношу; он побледнел и похудел за последние дни, страдая от неразделенной любви, заполонившей его душу, не дававшей ему ни минуты отдыха и покоя. Любовь эта, словно недуг, подтачивала его цветущее здоровье.

Уже давно Арторикс не обращал ни на кого внимания и не принимал участия в веселой беседе гостей Спартака; безмолвный и неподвижный, он смотрел на Мирцу, а она не отрываясь смотрела на брата. Своей преданностью Спартаку и безграничным восхищением им Мирца становилась еще дороже Арториксу, еще прекраснее в его глазах; он долго глядел на девушку и вдруг в порыве восторга вскочил со скамьи и неожиданно, позабыв про свою робость, высоко поднял чашу:

– Выпьем, друзья, за счастье Мирцы, любимой сестры нашего дорогого вождя.

Все выпили, и никто, кроме Мирцы, не заметил в пылу возлияний румянца, вспыхнувшего на лице юноши; девушка вздрогнула, когда Арторикс произнес ее имя, быстро повер-

нулась в его сторону и почти бессознательно бросила на него благодарный и вместе с тем укоризненный взгляд. Затем, поняв, что она перешла границу сдержанности, которую решила всегда соблюдать в своих отношениях с Арториксом, она тоже сильно покраснела и стыдливо опустила голову. Больше она не поднимала глаз ни на кого из гостей и стояла неподвижно на своем месте, не произнося ни слова.

Пир продолжался еще с час, время протекало в оживленной беседе, веселых шутках и остротах, как это всегда бывает у людей, которых связывает между собою искренняя дружба.

Когда друзья Спартака простились с ним, солнце уже клонилось к западу. По натуре склонный к задумчивости и мечтательности, Спартак, проводив своих гостей, еще долго стоял у входа в палатку. Он окинул взором огромный лагерь гладиаторов и залюбовался закатом.

В голове его бродили разные мысли: он думал о могуществе волшебного слова «свобода», которое менее чем за один год подняло на борьбу пятьдесят тысяч угнетенных, лишенных всех прав, всякого будущего, всякой надежды, огрубевших от своего униженного состояния, утративших человеческий облик. Слово «свобода» подняло их, сделало лучшими солдатами в мире, вселило в их души беззаветную храбрость, самоотверженность, сознание своего достоинства. Спартак думал о чудесном, магическом свойстве этого слова – оно превратило его, бедного, презренного глади-

атора, в отважного, грозного для врагов вождя доблестного войска. Оно так закалило его волю, что он смог победить в себе все страсти, даже то всеобъемлющее и великое чувство, что соединяло его с Валерией, – он любил ее в тысячу раз более, чем самого себя, но не сильнее того святого дела, которому посвятил всю свою жизнь. Валерия! Эта благородная женщина бросила вызов всем предрассудкам своей касты, пренебрегла своей знатностью, обрекла себя на презрение сограждан и ненависть родных; в порыве непобедимой любви она отдала ему свое сердце, свою любовь, все свое существо!

Полюбив его, Валерия навсегда отказалась от всякой надежды на блестящее будущее, а может быть, и на счастье, ибо Спартак не обманывался и понимал, что, если даже он будет и в дальнейшем одерживать победы над римскими легионами и останется жив и невредим вопреки опасностям, которые еще долго будут угрожать ему, если даже он достигнет поставленной себе цели и закрепит победу при помощи почетного мира, самым счастливым будущим для него окажется возможность укрыться от ненависти. А там Валерия, владительница его мыслей и чувств, будет обречена на жизнь в бедности и безвестности. А разве вынесет это испытание римская матрона, рожденная в богатстве, привыкшая к пышности и роскоши, принадлежащая к самому избранному кругу патрицианских семейств?

Отдавшись таким размышлениям, вождь гладиаторов по-

чувствовал, что сердце его ноет от непривычной тоски; стойкий, непоколебимый воин пал духом. Он думал о том, что, может быть, больше никогда не увидит Валерию, не увидит Постумию... У него как-то странно сжалось горло, и, проведя рукой по глазам, он заметил, что она стала мокрой от слез, которые лились незаметно для него. Рассердившись на себя за такую слабость, простительную только женщинам, он опомнился и быстро зашагал по направлению к ближайшему квесторию⁹. Все так же в волнении он пересек квесторий и отправился в обширную и пустынную часть лагеря, находившуюся, как и у римлян, в стороне от претория, квестория и Форума; это место, тянувшееся до декуманских ворот, предназначалось для палаток союзников и случайных подкреплений.

В обширном лагере под Нолой на этом месте сооружались палатки для гладиаторов и рабов, бежавших от своих господ в лагерь восставших, — здесь они жили, пока их не зачисляли в какой-нибудь из манипулов одной из когорт того или иного легиона. Тут находилась и палатка Эвтибиды; а в другой палатке жили под стражей шесть ликторов, взятых в плен под Аквином.

Здесь Спартак, наедине с самим собой, укрытый от посторонних глаз сумраком ночи, уже спускавшейся на землю,

⁹ Так называлось место, предназначенное для квестора (войскового интенданта и казначея) и интендантских складов, близ палатки главнокомандующего. (*Примеч. авт.*)

долго ходил взад и вперед быстрым шагом, как будто его подгоняла внутренняя тревога; он шел, шумно вздыхая, из груди его вырывались стоны, похожие на глухое рычание зверя; казалось, от этой стремительной прогулки ему становилось легче, и мало-помалу он пришел в себя. Походка его стала более ровной, спокойной, и он погрузился в иные, менее мрачные размышления.

Он долго шагал, все так же углубившись в свои думы. Тишина воцарилась на всем пространстве огромного лагеря, где до наступления темноты пятьдесят тысяч беспечных, жизнерадостных, полных сил юношей непрестанно сновали взад и вперед, ели, пили, шумно веселились, праздновали свои победы.

Когда шум начал постепенно стихать, до слуха Спартака стало ясно доноситься звучание каких-то непонятных слов; кто-то вполголоса вел разговор в одной из палаток, предназначенных для рабов и гладиаторов, ежедневно прибывавших в лагерь. В тишине слова были слышны более отчетливо и привлекли внимание Спартака. Вождь гладиаторов остановился у этой палатки; вход в нее находился в противоположной стороне от той, где стоял он; напрягая слух, Спартак услышал, как кто-то резким, сильным голосом произнес на превосходной латыни:

– Ты прав, Симплициан, позорна и незаслуженна судьба, на которую мы обречены. Но разве мы повинны в столь великом несчастье? Разве мы не дрались храбро, презирая опас-

ность, чтобы спасти претора Вариния от яростных ударов Спартака?.. Он опрокинул тебя... А я был ранен... Мы попали в плен, нас осилило великое множество врагов! Что могли мы сделать? Если великие боги покинули римлян и допустили позорное их бегство от презренного гладиатора, тогда как до сей поры они охраняли славных римских орлов от всех превратностей судьбы, то что могли, что можем сделать мы, ничтожные смертные?

— Будь осторожен, думай о том, что ты говоришь, Оттацилий, — тихо сказал кто-то сиплым голосом, в котором чувствовался страх. — Тебя может услышать часовой, и нам из-за твоего языка плохо придется.

— Ах, да замолчи ты, наконец! — ответил ему кто-то сурово и строго, но это не был голос говорившего прежде. — Молчи, Меммий, забудь свой постыдный страх.

— К тому же, — заметил тот, кого называли Оттацилием, — часовой ни слова не понимает по-латыни... Это грубый варвар-галл. Я думаю, он даже своего-то языка не знает...

— Ты не так говоришь, — строгим и суровым тоном прервал его последний из трех говоривших. — Если даже этот низкий гладиатор понимает наш язык, что же, по-твоему, мы не смеем говорить так, как это подобает римским гражданам? Что за подлая трусость! Клянусь Кастором и Поллуксом, покровителями Рима, которые за нас сражались против латинян на Регильском озере¹⁰, разве ты по меньшей мере пятьдесят раз

¹⁰ Согласно римской легенде, Кастор и Поллукс во время битвы на Регильском

не стоял лицом к лицу со смертью на поле сражения? Разве для тебя не лучше было бы умереть, чем пережить такой позор — быть обязанным шествовать впереди низкого гладиатора с консульскими фасциями!

Говоривший умолк, и Спартак приблизился к палатке, в которой, как он понял, находились под стражей шесть пленных ликторов Публия Вариния.

— Ах, клянусь двенадцатью богами Согласия, клянусь Юпитером Освободителем, клянусь Марсом, покровителем народа Квирина, — опять послышался после минутного молчания голос ликтора Симплициана, — я никогда не думал, что мне в шестьдесят два года доведется стать соучастником такого позора! Когда мне было только шестнадцать лет, в шестьсот тридцать пятом году римской эры, я сражался под началом консула Луция Цецилия Метеллы, победителя далматов; потом я сражался в Африке против Югурты, сперва под началом Квинта Цецилия Метеллы Нумидийского, а затем славного Гая Мария; я участвовал в разгроме тевтонов и кимвров, шел за триумфальной колесницей непобедимого уроженца Арпина, за которой следовали, закованные в цепи, два царя: Югурта и Бокх; я был восемь раз ранен и за это получил два гражданских венка; в награду за оказанные родине услуги я был приписан к корпусу ликторов; в течение двадцати шести лет я шествовал перед всеми римскими консулами, начиная от Гая Мария, который семь раз был удо-

стоен чести избрания его консулом, и кончая Луцием Лицинием Лукуллом и Марком Аврелием Коттой, которые избраны консулами на текущий год. Клянусь Геркулесом! Неужели же я должен теперь шествовать впереди гладиатора, которого я собственными глазами видел на арене цирка участником позорного зрелища? Нет, клянусь всеми богами, это выше моих сил... слишком жестокий жребий... Я не могу подчиниться судьбе... не могу перенести...

В голосе ликтора слышалось такое глубокое отчаяние, что Спартак был почти растроган. Он считал, что в горе старого и неизвестного солдата было столько достоинства, благородной гордости, сурового величия, что он заслуживал сочувствия и уважения.

– Ну и что ж? Что ты хочешь и что можешь ты сделать против воли богов? Как будешь бороться с превратностями несчастливой судьбы? – спросил после минутного молчания у Симплициана ликтор Оттаций. – Придется тебе, как и нам, примириться с незаслуженным несчастьем и позором, посланным судьбой...

– Клянусь всеми богами неба и ада, – гордо ответил Симплициан, – я не склоню благородного чела римлянина перед таким непереносимым позором и не подчинюсь несправедливой судьбе! Я римлянин, и смерть избавит меня от поступков, недостойных того, кому боги ниспослали счастье родиться на берегах Тибра...

Из палатки до Спартака донесся крик. Это в ужасе кри-

чали пять ликторов; слышен был топот сбегавшихся людей, голоса, восклицания:

– О, что ты сделал?

– Несчастный Симплициан!

– Да, это настоящий римлянин!

– Помогите, помогите ему!

– На помощь, на помощь!

– Подними его! Берись с этой стороны!

– Положи здесь!

В одну секунду Спартак обошел вокруг палатки и оказался у ее входа, куда, привлеченные криками, бежали жившие в соседней палатке гладиаторы, сторожившие пленных.

– Пропустите меня! – крикнул фракиец.

Гладиаторы с уважением расступились и дали дорогу своему вождю, перед глазами которого предстало ужасное зрелище.

Старый Симплициан лежал на куче соломы, его окружили и поддерживали остальные пять ликторов; белая туника его была разорвана и покрыта пятнами крови; она лилась из глубокой раны в груди, которую он только что нанес себе. Один из ликторов поднял с земли и держал в руке тонкий и острый кинжал – его Симплициан с силой вонзил себе в грудь по рукоятку.

Кровь текла из раны непрерывной струей, а по загорелому лицу неустрашимого старого ликтора быстро разливалась смертельная бледность; но ни один мускул не дрогнул на

этом суровом, спокойном лице, ни одно движение не обличало раскаяния или муки.

– Что ты сделал, мужественный старик! – сказал умирающему Спартак дрожащим от волнения голосом, с почтительным удивлением глядя на это зрелище. – Почему ты не попросил, чтобы я избавил тебя от обязанности шествовать передо мной с фасциями, раз тебе это было так тяжело?.. Сильный всегда поймет сильного, я понял бы тебя и...

– Рабы не могут понять свободных, – торжественно произнес слабеющим голосом умирающий.

Спартак покачал головой и, горько улыбнувшись, сказал сочувственно:

– О душа, рожденная великой, но измельчавшая от предубеждений и чванства, в которых ты был воспитан... Кто же установил на земле два рода людей, разделив их на рабов и свободных? До завоевания Фракии разве не был я свободным, а разве ты не стал бы таким же рабом, как я, после поражения при Аквине?

– Варвар... ты не ведаешь, что бессмертные боги... дали римлянам власть над всеми народами... не омрачай мои последние минуты своим присутствием...

И Симплициан обеими руками отстранял своих товарищей, которые старались перевязать ему рану лоскутами, оторванными от туник.

– Бесполезно... – произнес он, задыхаясь от предсмертного хрипа. – Удар был... точно рассчитан... а если бы меня

постигла тут неудача, завтра же я повторил бы... Римский ликтор... шествовавший впереди Мария и Суллы... не станет позорить... свои фасции... шествуя впереди гладиатора... бесполезно... беспо...

Он упал, откинув назад голову, и испустил дух.

– Эх, старый глупец! – произнес вполголоса один из гладиаторов.

– Нет, он старик, достойный уважения, – строго сказал Спартак, лицо которого побледнело, стало серьезным и задумчивым.

Глава XV

Спартак разбивает наголову другого претора и преодолевает большие искушения

Между тем поворот дел в Кампанье после разгрома претора Публия Вариния под Аквином несколько напугал спесивых победителей Африки и Азии, и, несмотря на заботы, связанные с ведением войны против Митридата и Сертория, Рим стал серьезно и настороженно следить за восстанием гладиаторов. Пятьдесят тысяч вооруженных рабов, возглавляемых человеком, которого теперь уже все, хотя и краснея от стыда, были вынуждены признать отважным, доблестным и даже до некоторой степени опытным полководцем, были полными хозяевами провинции Кампаньи, где, за исключением нескольких незначительных городов, господство и влияние римлян было подорвано; пятьдесят тысяч вооруженных гладиаторов, угрозавших Самнию и Латию — этим, можно сказать, подступам к Риму, — представляли весьма серьезную силу, и в дальнейшем борьбу с ними нельзя было считать делом незначительным и относиться к ней с недопустимым легкомыслием.

В комициях, собравшихся в этом году, римский сенат еди-

нодушно доверил управление провинцией Сицилией и подавление позорящего Рим восстания гладиаторов патрицию Гаю Анфидию Оресту вместо претора Публия Вариния.

Гай Анфидий Орест, человек лет сорока пяти, весьма опытный в военном деле, много лет был трибуном, три года квестором и во время диктатуры Суллы уже избирался претором. Его храбрость, ум и прозорливость снискали ему широкую известность и расположение как среди плебеев, так и в сенате.

В первые месяцы 681 года, следующего за тем, в котором произошли события, рассказанные в пяти предыдущих главах, Гай Анфидий Орест с согласия новых консулов Теренция Варрона Лукулла и Гая Кассия Вара собрал сильное войско, состоявшее из трех легионов: в одном были римляне, в другом – только италийцы, в третьем – союзники: далматы и иллирийцы.

Численность этих трех легионов достигала двадцати тысяч человек; к ним претор присоединил десять тысяч солдат, спасшихся после поражения под Аквином, и у него образовалась армия в тридцать тысяч воинов, обучением которых он и занялся в Латии. С этой армией он надеялся разбить наголову Спартака наступающей весной.

Пришла весна и принесла с собой тепло, щедро разливаемое вокруг солнцем, прозрачную синеву неба, опьяняющее благоухание цветов, роскошный ковер душистых трав. Во славу ее запели птицы свои гимны. В эту пору двинулись од-

новременно войска римлян и гладиаторов – одно из Латия, другое из Кампаний, чтобы оросить человеческой кровью зазеленевшие поля Италии.

Претор Анфидий Орест выступил из Норбы и пошел по Аппиевой дороге до Фунди; он проведал, что навстречу ему по Домициевой дороге из Литерна продвигается Спартак.

Тогда претор расположился лагерем в Фунди, заняв позиции, дававшие ему возможность сразу ввести в сражение свою многочисленную кавалерию, численностью в шесть тысяч человек.

Через несколько дней Спартак прибыл в Формии и расположился лагерем на двух холмах, заняв таким образом господствующее положение на Аппиевой дороге; затем со своими тремястами конниками он приблизился к вражескому лагерю, чтобы изучить позиции и выяснить намерения врага.

Но претор Анфидий Орест, более сведущий в военном деле, чем полководцы, с которыми до сего времени приходилось сражаться Спартаку, тотчас же напал на него, пустив в ход свою грозную кавалерию; после короткой, не имевшей решающего значения схватки, в которой гладиаторы все же потеряли около сотни человек, Спартаку пришлось поспешно отступить к Формиям.

Здесь он решил подождать врага, полагая, что претор, воодушевленный столь легко достигнутым успехом, предпримет новую попытку нападения на гладиаторов. Однако Спартак напрасно потерял пятнадцать дней; Анфидия не так-то

легко было завлечь в западню.

Тогда Спартак совершил один из тех военных маневров, которые под силу только выдающимся полководцам.

С наступлением ночи, соблюдая полнейшую тишину, он вышел с восемью легионами из лагеря, оставив там Эномая с двумя легионами и кавалерией. Всю ночь Спартак шел вдоль берега и забирал с собой в качестве заложников всех встречавшихся по пути крестьян, колонов и рыбаков любого возраста и пола, чтобы вести о его продвижении не дошли до врага. Быстрым маршем он прошел через лес, который и ныне окружает Таррацину, расспрашивая о дороге дровосеков и угольщиков, и расположился лагерем на его опушке, в тылу врага.

Орест был немало удивлен, узнав, что его сумели обойти, но, действуя благоразумно и осторожно, он всячески сдерживал пыл своих легионеров, которые рвались в бой при виде прашников-гладиаторов, подходивших почти к самому частоколу лагеря римлян.

В продолжение восьми дней Спартак тщетно вызывал на бой врага: тот не двигался с места и не скрывал, что не желает сражаться в невыгодных для себя условиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.